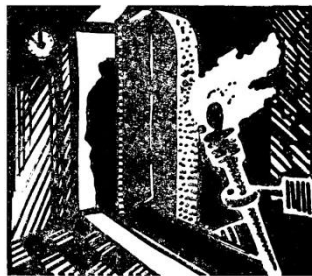

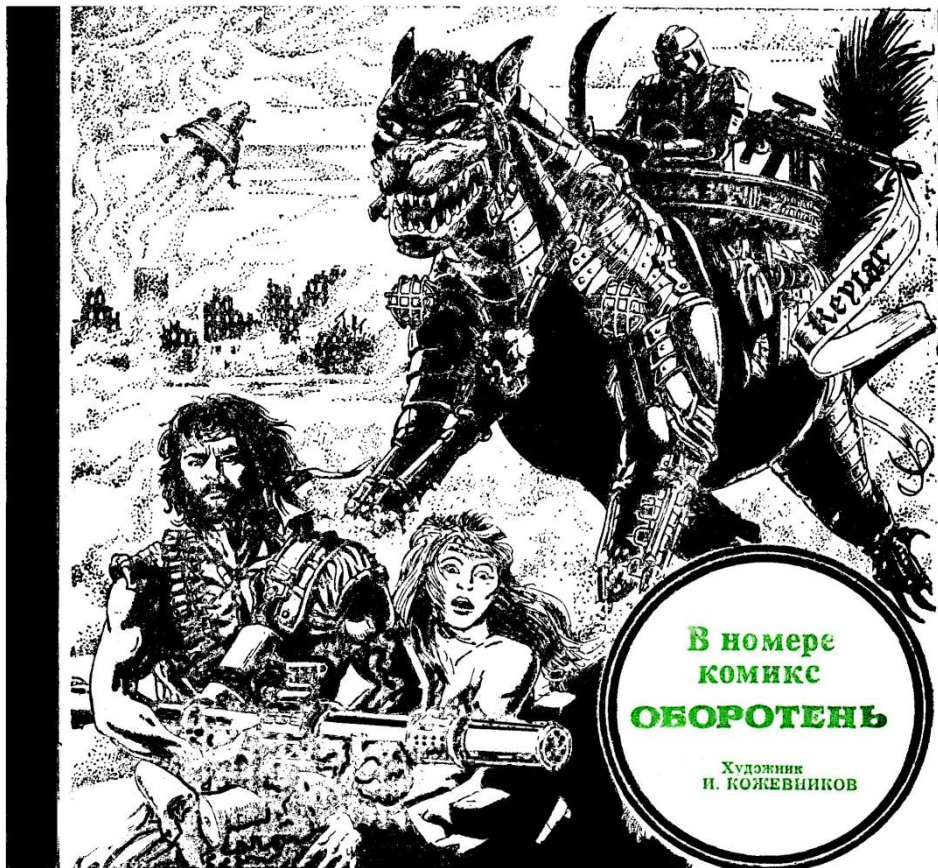
ВЫПУСК
15

Шиф

приключения фантастика

Библиотечка «Уральского следопыта»

В номере
КОМИКС
ОБОРОТЕНЬ

Художник
И. КОЖЕВНИКОВ

МЕЖДУ СМЕРТЬЮ И ЖИЗНЬЮ

А.Н.Апухтин

I

БЫЛ восьмой час вечера, когда доктор приложил ухо к моему сердцу, поднес мне к губам маленькое зеркало и, обратясь к моей жене, сказал торжественно и тихо:

– Все кончено.

По этим словам я догадался, что я умер.

Собственно говоря, я умер гораздо раньше. Более тысячи часов я лежал без движения и не мог произнести ни слова, но изредка еще продолжал дышать. В продолжение всей моей болезни мне казалось, что я прикован бесчисленными цепями к какой-то глухой стене, которая меня мучила. Мало-помалу стена меня отпускала, страдания уменьшались, цепи ослабевали и распадались. В течение двух последних дней меня держала какая-то узенькая тесемка; теперь и она оборвалась, и я почувствовал такую легкость, какой никогда не испытывал в жизни.

Вокруг меня началась невообразимая суматоха. Мой большой кабинет, в который меня перенесли с начала болезни, наполнился людьми, которые все сразу зашептали, заговорили каким-то не своим голосом. Жена моя с громким воплем упала мне на грудь; она столько плакала во

время моей болезни, что я удивлялся, откуда у ней еще берутся слезы. Она, несомненно, была огорчена моей смертью, но во всяком публичном выражении печали есть непременно известная доля театральности, которой редко можно избежать. Самый искренне огорченный человек не может отогнать от себя мысль, что другие смотрят на него.

Из всех голосов выделялся старческий, дребезжащий голос моего камердинера Савелия. Еще в детстве моем был он приставлен ко мне дядькой и не покидал меня всю жизнь, но теперь был уже так стар, что жил почти без занятий. Утром он подавал мне халат и туфли, а затем целый день попивал «для здоровья» березовку и ссорился с остальной прислугой. Смерть моя не столько его огорчила, сколько ожесточила, а вместе с тем придала ему необычайную важность. Я слышал, как он кому-то приказывал съездить за моим братом, кого-то упрекал и чем-то распоряжался.

Глаза мои были закрыты, но я все видел и слышал, что происходило вокруг меня.

Вошёл мой брат – сосредоточенный и надменный, как всегда. Жена моя терпеть его не могла, однако бросилась к нему на шею, и рыдания ее удвоились.

– Полно, Зоя, перестань, ведь слезами ты не поможешь, – говорил брат бесстрастным и словно заученным тоном. – Побереги себя для детей, поверь, что ему лучше там.

Он с трудом высвободился от ее объятий и усадил ее на диван.

– Надо сейчас же сделать кое-какие распоряжения... ты мне позволишь помочь тебе, Зоя!

– Ах, Андрей, ради бога, распоряжайся всем... Разве я могу о чем-нибудь думать!

Она опять заплакала, а брат уселся за письменный стол и подозвал к себе молодого расторопного буфетчика Семена.

– Это объявление ты отправишь в «Новое время», а затем пошлешь за гробовщиком; да надо спросить у него, не знает ли он хорошего псаломщика?

– Ваше сиятельство, – отвечал, нагибаясь, Семен, – за гробовщиком посылать нечего, их тут четверо с утра толкуются у подъезда. Уж мы их гнали-гнали, – не идут, да и только. Прикажете их сюда позвать?

– Нет, я выйду на лестницу.

И брат громко прочел написанное им объявление;

– «Княгиня Зоя Борисовна Трубчевская с душевным прискорбием извещает о кончине своего мужа, князя Дмитрия Александровича Трубчевского, последовавшей 20 февраля, в 8 часов вечера, после тяжелой и продолжительной болезни. Панихиды в 2 часа дня и в 9 часов вечера». Больше ничего не надо, Зоя?

– Да, конечно, ничего. Только зачем вы написали это ужасное слово: «прискорбие»! Я не выношу этого слова. Напишите – «с глубокой скорбью».

Брат поправил.

– Я посылаю в «Новое время». Это довольно?

– Да, конечно, довольно.

Брат вышел. Жена подошла ко мне, опустилась на кресло, стоявшее возле кровати, и долго смотрела на меня каким-то молящим, вопрошающим взглядом. В этом молчаливом взгляде я прочел гораздо больше любви и горя, чем в рыданиях и соплях. Она вспоминала нашу общую жизнь, в которой немало было всяких треволнений и бурь.

Теперь она во всем винила себя и думала о том, как ей следовало поступать тогда. Она так задумалась, что не заметила моего брата, который вернулся с гробовщиком и уже несколько минут стоял возле нее, не желая нарушить ее раздумья. Увидев гробовщика, она дико вскрикнула и лишилась чувств. Ее унесли в спальню.

– Будьте спокойны, ваше величество, – говорил гробовщик, снимая с меня мерку, – у нас все припасено: и покров, и паникадилы. Через час их можно переносить в залу. И насчет гроба не извольте сомневаться: такой будет покойный гроб, что хоть живому в него ложиться.

Кабинет опять начал наполняться. Гувернантка привела детей.

Соня бросалась на меня и рыдала совершенно, как мать, но маленький Коля уперся, ни за что не хотел подойти ко мне и ревел от страха. Приплелась Настасья – любимая горничная жены, вышедшая замуж в прошлом году за буфетчика Семена и находившаяся в последнем периоде беременности. Она размашисто крестилась, все хотела стать на колени, но живот ей мешал, и она лениво всхлипывала.

– Слушай, Настя, – сказал ей тихо Семен, – не нагибайся, как бы чего не случилось. Шла бы лучше к себе; помолилась, и довольно.

– Да как же мне за него не молиться! – отвечала Настасья слегка нараспев и нарочно громко, чтоб все ее слышали. – Это не человек был, а ангел божий. Еще нынче перед самой смертью обо мне вспомнил и приказал, чтобы Софья Францевна неотлучно при мне находилась.

Настасья говорила правду. Произошло это так. Всю

последнюю ночь жена провела у моей постели и, почти не переставая, плакала. Это меня истомило вконец. Рано утром, чтобы дать другое направление ее мыслям, а главное, чтобы попробовать, могу ли я явственно говорить, я задал первый пришедший мне в голову вопрос: родила ли Настасья? Жена страшно обрадовалась тому, что я могу говорить, и спросила, не послать ли за знакомой акушеркой Софьей Францевной. Я отвечал: «Да, пошли». После этого я, кажется действительно уже ничего не говорил и Настасья наивно думала, что мои последние мысли были о ней.

Ключница Юдишна перестала, наконец, голосить и начала что-то рассматривать на моем письменном столе. Савелий набросился на нее с ожесточением.

– Нет, уж вы, Прасковья Юдишна, княжеский стол оставьте, – сказал он раздраженным шепотом, – здесь вам не место.

– Да что с вами, Савелий Петрович! – прошипела обиженная Юдишна. – Я ведь не красть собираюсь.

– Что вы там собираетесь делать, про то я не знаю, но только пока печати не приложены, я к столу никого не допущу. Я недаром сорок лет князю-покойнику служил.

– Да что вы мне вашими сорока годами в глаза тычете! Я сама больше сорока лет в этом доме живу, а теперь выходит, что я и помолиться за княжескую душу не могу...

– Молиться можете, а до стола не прикасайтесь...

Люди эти, из уважения ко мне, ругались шепотом, а между тем я явственно слышал каждое их слово. Это меня страшно удивило. «Неужели я в летаргии?» – подумал я с ужасом. Года два тому назад я прочитал какую-то фран-

цузскую повесть, в которой подробно описывались впечатления заживо погребенного человека. И я силился восстановить в памяти этот рассказ, но никак не мог вспомнить главного, то есть, что именно он сделал, чтобы выйти из гроба.

В столовой начали бить стенные часы; я сосчитал одиннадцать. Васютка, девочка, жившая в доме «на побегушках», вбежала с известием, что пришел священник и что в зале все готово. Принесли большой таз с водой, меня раздели и начали тереть мокрой губкой, но я не почувствовал ее прикосновения; мне казалось, что моют чью-то чужую грудь, чьи-то чужие ноги.

«Ну, значит, это не летаргия, – соображал я, пока меня облекали в чистое белье, – но что же это такое?»

Доктор сказал: «Все кончено», обо мне плачут, сейчас меня положат в гроб и дня через два похоронят. Тело, повиновавшееся мне столько лет, теперь не мое, я, несомненно, умер, а между тем я *продолжаю* видеть, слышать и понимать. Может быть, в мозгу жизнь продолжается дольше, но ведь мозг тоже тело. Это тело было похоже на квартиру, в которой я долго жил и с которой решил съехать. Все окна и двери открыты настежь, все вещи вывезены, все домашние вышли, и только хозяин застоялся перед выходом и бросает прощальный взгляд на ряд комнат, в которых прежде кипела жизнь и которые теперь давят его своей пустотой.

И тут в первый раз в окружающих меня потемках блеснул маленький, слабый огонек, – не то ощущение, не то воспоминание. Мне показалось, что то, что происходит со мной теперь, что это состояние мне знакомо, что я его уже переживал когда-то, но только давно, очень давно...

II

НАСТУПИЛА ночь. Я лежал в большой зале на столе, обитом черным сукном. Мебель была вынесена, шторы спущены, картины завешаны черной тафтой. Покров из золотой парчи закрывал мои ноги, в высоких серебряных паникадилах ярко горели восковые свечи. Направо от меня, прислонясь к стене, недвижно стоял Савелий с желтыми, резко выдававшимися скулами, с голым черепом, с беззубым ртом и с пучками морщин вокруг полузакрытых глаз; он более, чем я, напоминал скелет мертвеца. Налево от меня стоял перед аналоем высокий, бледный человек в длинном сюртуке и монотонным, грудным голосом, гулко раздававшимся в пустой зале, читал:

— Оаемех и не отверзох уст моих, яко ты сотворил еси...

Ровно два месяца тому назад в этой зале гремела музыка, кружились веселые пары, и разные люди, молодые и старые, то радостно приветствовали, то злословили друг друга. Я всегда ненавидел балы и, сверх того, с середины ноября чувствовал себя нехорошо, а потому всеми силами протестовал против этого бала, но жена непременно хотела дать его, потому что имела основание надеяться, что нас посетят весьма высокопоставленные лица. Мы чуть не поссорились, но она настояла. Бал вышел блестящий и невыносимый для меня. В этот вечер я впервые почувствовал утомление жизнью и ясно осознал, что жить мне осталось недолго.

Вся моя жизнь была целым рядом балов, и в этом за-

ключается трагизм моего существования. Я любил деревню, чтение, охоту, любил тихую семейную жизнь, а между тем весь свой век провел в свете, сначала в угоду своим родителям, потом в угоду жене. Я всегда думал, что человек родился с весьма определенными вкусами и со всеми задатками своего будущего характера. Задача его заключается именно в том, чтобы осуществить этот характер; все зло происходит от того, что обстоятельства ставят иногда преграды для такого существования. И я начал припоминать все мои дурные поступки, все те поступки, которые некогда тревожили мою совесть. Оказалось, что все они произошли от несогласия моего характера с той жизнью, которую я вел.

Воспоминания мои были прерваны легким шумом справа. Савелий, который давно начинал дремать, вдруг зашатался и едва не грохнулся на пол. Он перекрестился, вышел в переднюю и, принеся оттуда стул, откровенно заснул в дальнем углу залы. Псаломщик читал все ленивее и тише, потом умолк совсем и последовал примеру Савелия. Настала мертвая тишина.

Среди этой глубокой тишины вся моя жизнь развернулась предо мной, как одно неизбежное целое, страшное по своей строгой логичности. Я видел уже не отрывочные факты, а одну прямую линию, которая начиналась со дня моего рождения и кончалась нынешним вечером. Дальше она идти не могла, это ясно.

Я, конечно, не мог определить точно день и час своей смерти, но знал их приблизительно. Я всю жизнь пользовался очень хорошим здоровьем и вдруг с начала ноября без всякой причины начал недомогать. Никакой болезни

еще не было, но я чувствовал, что меня «клонит к смерти», так же ясно, как чувствовал, бывало, что меня клонит ко сну. Обыкновенно с начала зимы с женой составляли план того, как мы будем проводить лето. На этот раз я ничего не мог придумать, картины лета не складывались; казалось, что-вообще никакого лета не будет. Болезнь, между тем, не приходила: ей, как церемонной гостье, нужен был какой-нибудь предлог. И вот со всех сторон стали подкрадываться предлоги. В конце декабря я должен был ехать на медвежью охоту. Время стояло очень холодное, и жена моя, которая без всякой причины начала беспокоиться о моем здоровье, умоляла меня не ездить. Я был страстный охотник и потому решил все-таки ехать, но почти в минуту отъезда получил депешу, что медведи ушли и что охота отменяется. На этот раз церемонная гостья не вошла в мой дом. Через неделю одна дама, за которой я слегка ухаживал, устроила пикник с тройками, цыганами и катаньем с гор. Простуда была неизбежна, но жена моя вдруг заболела очень серьезно и упросила меня провести вечер дома. Может быть, она даже притворилась больной, потому что на следующий день уже была в театре. Как бы то ни было, но церемонная гостья опять прошла мимо. Через два дня после этого умер мой дядя Василий Иванович. Я очень любил дядю; не поехать на похороны было немислимо. Я шел за гробом пешком, была страшная вьюга, я продрог до костей. Церемонная гостья не стала медлить и так обрадовалась предлогу, что ворвалась ко мне в тот же вечер. На третий день доктора нашли у меня воспаление в легких со всевозможными осложнениями и объявили, что больше двух дней я не проживу. Но до 20-го февраля было еще

далеко, а раньше я умереть не мог. И вот началась та утомительная агония, которая сбивала с толку столько ученых мужей. Я то поправлялся, то заболел с новой силой, то мучился, то переставал вовсе страдать, пока, наконец, не умер сегодня по всем правилам науки в тот самый день и час, которые мне были назначены для смерти с минуты рождения. Но почему именно так и тогда?

Я начал искать в моей протекшей жизни какого-нибудь ключа к этой разгадке, стал припоминать поражавшие меня в свое время сны, полные неведомых мне стран и лиц, вспоминал разные встречи, производившие на меня непонятное, почти мистическое впечатление. И вдруг я вспомнил про замок Ларош-Моден.

Ш

ЭТО был один из самых интересных и загадочных эпизодов моей жизни. Несколько лет тому назад мы, ради здоровья моей жены, провели почти полгода на юге Франции. Там мы, между прочим, познакомились с очень симпатичным семейством графа Ларош-Модена, который однажды пригласил нас в свой замок.

Помню, что в тот день и жена, и я были как-то особенно веселы. Мы ехали в открытой коляске; был один из тех теплых октябрьских дней, которые особенно очаровательны в том краю. Опустелые поля, разоренные виноградники, разноцветные листья деревьев, — все это под ласковыми лучами еще горячего солнца приобретало какой-то праздничный вид. Свежий, бодрящий воздух располагал не-

вольно к веселью, и мы болтали без умолку вею дорогу. Не вот мы въехали во владения графа Модена, и веселость моя мгновенно исчезла. Мне вдруг показалась, что это место мне знакомо, даже близко, что я когда-то *жил* здесь. Это ощущение, какое-то странное, ощущение неприятное и щемящее душу, росло с каждой минутой. Наконец, когда мы въехали в ворота замка, я сказал об этом жене.

– Какой вздор! – воскликнула она. – Еще вчера ты говорил, что даже в детстве, когда ты с покойной матушкой жил в Париже, вы никогда сюда не заезжали.

Я не возражал, мне было не до возражений, воображение, словно курьер, скакавший впереди, докладывало мне обо всем, что я увижу. Вот широкий двор, посыпанный красным песком; вот подъезд, увенчанный гербом графов Ларош-Моденов; вот зала в два света, вот большая гостиная, увешанная семейными портретами. Даже особенный, специфический запас этой гостиной – какой-то смешанный запах мускуса, плесени и розового дерева – поразил меня как что-то слишком знакомое.

Я впал в глубокую задумчивость, которая еще более усилилась, когда граф Ларош-Моден предложил мне сделать прогулку по парку. Здесь со всех сторон нахлынули на меня такие живучие, хотя и смутные воспоминания, что я едва слушал хозяина дома, который расточал весь запас своей любезности, чтобы заставить меня разговориться. Наконец, когда я на какой-то его вопрос ответил уж слишком невпопад, он посмотрел на меня сбоку с выражением удивленного сострадания.

– Не удивляйтесь моей рассеянности, граф, – сказал я, поймав его взгляд, – я переживаю очень странное ощущение.

ние. Я, без сомнения, в первый раз в вашем замке, а между тем мне кажется, что я здесь прожил целые года.

– Тут нет ничего удивительного: все наши старые замки похожи один на другой.

– Да, но я именно жил *в этом* замке... Вы верите в переселение душ?

– Как вам сказать... Жена моя верит, а я не очень... А впрочем, все возможно...

– Вот вы сами говорите, что это возможно, а я каждую минуту убеждаюсь в этом более и более.

Граф ответил мне какой-то шутливо-любезной фразой, выражая сожаление, что он не жил здесь сто лет тому назад, потому что и тогда он принимал бы меня в этом замке с таким же удовольствием, с каким принимает теперь.

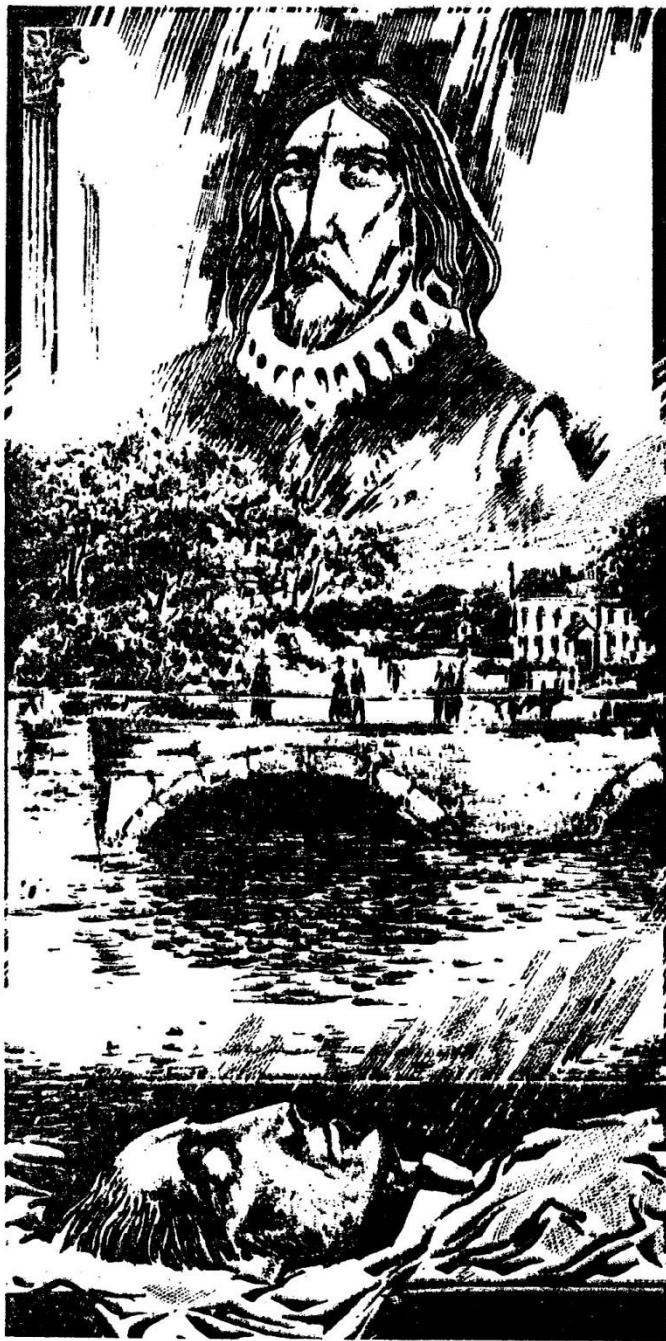
– Может быть, вы перестанете смеяться, – сказал я, делая невероятные усилия памяти, – если я скажу вам, что сейчас мы подойдем к широкой каштановой аллее.

– Вы совершенно правы, вот она, налево.

– А пройдя эту аллею, мы увидим озеро.

– Вы слишком любезны, называя эту массу воды озером, просто пруд.

Я не шел, а бежал по каштановой аллее. Когда она кончилась, я увидел во всех подробностях ту картину, которая уже несколько минут рисовалась в моем воображении. Какие-то красивые цветы причудливой, формы окаймляли довольно широкий пруд, у плота была привязана лодка, на противоположном берегу пруда виднелись группы старых плакучих ив... Боже мой! Да, конечно, я здесь жил когда-то, катался в такой же лодке, я сидел под теми плакучими ивами, я рвал эти красные цветы...

Художник С. ГРИГОРЬКИН.

– Позвольте, – спросил я, с недоумением смотря направо, – тут должен быть еще второй пруд, потом третий...

– Нет, дорогой князь, на этот раз память или воображение вам изменяют. Другого пруда нет,

– Но он был, наверное. Посмотрите на эти красные цветы! Они так же окаймляют эту лужайку, как и первый пруд. Второй пруд был, и его засыпали, это очевидно.

– При всем желании моем согласиться с вами, дорогой князь, я не могу этого сделать. Мне скоро пятьдесят лет, я родился я этом замке и уверяю вас, что здесь никогда не было второго пруда.

– Но, может быть, у вас живет кто-нибудь из старожилов?

– Управляющий мой, Жозеф, гораздо старше меня. Мы спросим его, вернувшись домой.

В словах графа Модена сквозь его изысканную вежливость уже ясно проглядывало опасение, что он имеет дело с каким-то маньяком, которому не следует перечить.

Когда мы перед обедом вошли в его уборную, чтобы привести себя в порядок, я напомнил о Жозефе. Граф сейчас же велел позвать его.

Вошел бодрый семидесятилетний старик и на все мои расспросы отвечал положительно, что в парке никогда не было второго пруда.

– Впрочем, у меня сохраняются все старые планы, и если граф позволит их принести...

– О да, принесите их – и поскорее. Надо, чтобы этот вопрос был исчерпан теперь, а то наш дорогой гость ничего не будет есть за обедом.

Жозеф принес планы, граф начал их лениво рассматри-

вать и вдруг вскрикнул от удивления. На одном ветхом плане неизвестных годов были ясно обозначены три пруда.

– Сдаюсь на милость победителя, – произнес граф с напусковой веселостью и слегка бледнея.

Но я далеко не смотрел победителем. Я был как-то подавлен этим открытием, – словно случилось несчастье, которого я давно боялся.

Теперь я знал наверное, что жил на свете раньше, чем назвался князем Дмитрием Трубчевским, был в замке Ларош-Моден. Но в качестве кого? Жил ли я там постоянно или попал туда случайно, был ли я хозяином, гостем, конюхом или крестьянином? На эти вопросы я не мог дать ответа, одно казалось мне несомненным: я был там очень несчастлив; иначе я не мог объяснить себе того щемящего чувства тоски, которое охватило меня при въезде в замок.

IV

САВЕЛИЙ вскочил со стула, перекрестился, протер глаза и, увидя спящего псаломщика, разбудил его, причем не упустил случая осыпать его самыми горькими упреками. Потом он ушел, вымылся, приделся, вероятно, выпил здоровую порцию березовки и вернулся окончательно ожесточенный. «Какая польза в крови моей, внегда сходите ми во истление», – читал заунывным голосом псаломщик.

Дом проснулся. В разных углах его послышалась суежливая возня. Опять гувернантка привела детей. Соня на этот раз была спокойнее, а Коле очень понравился парчо-

вый покров, и он уже без всякого страха начал играть кистями. Потом пришла акушерка Софья Францевна и сделала какое-то замечание Савелию, причем высказала такие тонкие познания в погребальном деле, каких никак нельзя было ожидать от ее специальности. Пришли прощаться со мной дворовые, кучера, кухонные мужики, дворники и даже совсем незнакомые люди: какие-то неведомые старухи и швейцары, и дворники соседних домов. Все они очень усердно молились; старухи горько плакали. При этом я сделал замечание, что все прощавшиеся со мной, если это люди были простые, из народа, не только целовали меня в губы, но даже делали это с каким-то удовольствием; лица же моего круга – даже самые близкие мне люди – относились ко мне с брезгливостью, которая очень бы меня обидела, если б я мог смотреть на нее прежними земными глазами. Приплелась опять Настасья в широком голубом капоте с розовыми цветочками. Костюм этот не понравился Савелию, и он сделал ей строгое замечание.

– Да что же мне делать, Савелий Петрович? – оправдывалась Настасья, – уж я пробовала темное платье надеть, ни одно не сходится.

– Ну, а не сходится, так и лежала бы у себя на кровати. Другая на твоём месте постыдилась бы к княжескому гробу подходить с таким брюхом.

– За что же вы ее обижаете, Савелий Петрович? – вступился Семен. – Ведь она мне законная жена, тут греха никакого нет.

– Знаю я этих шлюх, законных, – проворчал Савелий и отошел в свой угол.

Настасья страшно смутилась и хотела ответить какой-

нибудь уничтожающей колкостью, но не находила слов; только губы ее перекошились от гнева и в глазах показались слезы.

Во втором часу стали съезжаться гости. Первым вошел высокий, еще не старый генерал, с седыми закрученными усами и множеством орденов на груди. Он подошел ко мне и хотел приложиться, но раздумал и долго крестился, не прикладывая пальцев ко лбу и груди и размахивая ими по воздуху. Потом он обратился к Савелию.

– Ну что, брат Савелий, потеряли мы нашего князя?

– Да-с, ваше превосходительство, сорок лет служил князю и мог ли я думать...

– Ничего, ничего, княгиня тебя не оставит.

И, потрепав по плечу Савелия, генерал пошел навстречу маленькому желтому сенатору, который не подходя ко мне, прямо опустил на тот стул, на котором ночью спал Савелий.

– Ну вот, Иван Ефимович, – сказал генерал, – еще у нас одним членом стало меньше.

– Что делать!

– Да, обидно уезжать вечером из клуба и не быть уверенным, что на другой день опять там будешь! А еще обиднее то, что никак не угадаешь, где тебя эта шельма подстережет. Ведь вот князь Дмитрий Александрович поехал на похороны Василия Ивановича и простудился на похоронах, а мы с вами тоже были и не простудились.

– Да-с, удивительная судьба была этого князя Василия Ивановича. Всю жизнь он делал всякие гадости, так ему и подобало. Но вот он умирает; казалось бы, что всем этим гадостям конец. Так вот нет же, на своих собственных похоронах сумел-таки уморить родного племянника.

– Перестаньте, перестаньте, Иван Ефимович, будет вам на том свете за язычок ваш... По крайней мере, о нашем дорогом Дмитрие Александровиче вы не можете ничего худого сказать и должны сознаться, что это был прекрасный человек...

– К чему преувеличивать, генерал? Если мы скажем, что он был любезный и обходительный человек, этого будет совершенно достаточно. Да поверьте, что и это со стороны князя Трубчевского большая заслуга, потому что вообще князя Трубчевские любезностью не отличаются. Возьмем, чтобы недалеко ходить, его брата Андрея...

– Ну, об этом я с вами спорить не буду: Андрей мне совсем не симпатичен. И чем он так важничает?

– Важничать ему решительно нечем, но не в этом дело-с. Если такой человек, как князь Андрей Александрович терпится в обществе, это доказывает только нашу необыкновенную снисходительность. По-настоящему, такому человеку не следует и руки подавать. Вот что я узнал о нем недавно из самых достоверных источников...

В эту минуту появился мой брат, и оба собеседника бросились к нему с выражением живейшего сочувствия.

Затем робкими шагами вошел мой старый товарищ Миша Звягин. Это был очень добрый и очень заматавший-ся человек. В начале октября он приехал ко мне, объяснил свое безвыходное положение и попросил у меня на два месяца пять тысяч, которые могли его спасти. После некоторой борьбы я написал ему чек; он предложил мне вексель, но я отвечал, что этого не нужно. Через два месяца он, конечно, уплатить не мог и начал от меня скрываться. Во время моей болезни он несколько раз присылал узна-

вать о здоровье, но сам не заходил ни разу. Когда он подошел к моему гробу, я прочел в его глазах самые разнообразные чувства: И сожаление, и стыд, и страх, и даже где-то там, в глубине зрачков, – маленькую радость при мысли, что у него одним кредитором стало меньше. Впрочем, поймав себя на этой мысли, он очень устыдился и начал усердно молиться. В его сердце происходила борьба. Ему следовало заявить сейчас же о долге, но с другой стороны, зачем же заявлять, если он не может заплатить! Долг этот он отдаст со временем, а теперь... известно ли кому-нибудь об этом долге, записан ли он мною в какую-нибудь книжку? Нет, необходимо заявить сейчас же.

Миша Звягин с решительным видом подошел к брату и начал расспрашивать его о моей болезни. Брат отвечал неохотно и смотрел в другую сторону: моя смерть давала ему законное право быть невнимательным и надменным.

– Видите ли, князь, – начал, запинаясь, Звягин, – я был должен покойному...

Брат начал прислушиваться и вопросительно посмотрел на него.

– Я хотел сказать, что я слишком обязан покойному Дмитрию Александровичу. Наша долголетняя дружба...

Брат опять отвернулся, и бедный Миша Звягин отошел на прежнее место. Его красные щеки прыгали, глаза беспокойно бегали по зале. Тут, в первый раз после смерти, я пожалел о том, что не могу говорить. Мне так хотелось сказать ему: «Да оставь себе эти пять тысяч, у детей моих и без того денег довольно».

Зала быстро наполнялась, и к двум часам собрался весь знатный Петербург. Так что, будь я тщеславен, вид залы

доставил бы мне большое удовольствие. Появились даже такие лица, о приезде которых тихонько докладывали брату, и он ходил их встречать на лестницу.

Я всегда с особым умилением слушал панихиду, хотя многое в ней казалось мне непонятным. Особенно всегда смущала меня «жизнь бесконечная»; выражение это на панихиде казалось мне горькой иронией. Теперь все эти слова получали для меня глубокий смысл. Я сам жил этой «бесконечной жизнью».

Напротив того, земные, доходившие до меня, воздыхания казались мне чем-то чужим и непонятным.

Панихида кончилась. Дьякон густым басом произнес: «Во блаженном успении...», но в это время произошло нечто странное. В зале вдруг потемнело, точно сумерки сразу опустились на землю. Я перестал различать лица, а видел одни черные фигуры. Голос дьякона ослабел и постепенно отдалялся куда-то. Наконец он замолк совсем, свечи потухли, все для меня исчезло. Я сразу перестал видеть и слышать.

Я очутился в каком-то темном, непонятном для меня месте. Впрочем, я упомянул о месте только по старой привычке: никакого понятия о пространстве для меня не существовало. Времени также не было, так что я не могу определить, сколько длилось то состояние, в котором я находился. Я ничего не видел, ничего не слышал, я только думал, — настойчиво, усиленно думал.

Главная загадка, мучившая меня всю жизнь, была разрешена. Смерти нет, есть одна жизнь бесконечная. Я всегда был убежден в этом и прежде, но только не мог ясно формулировать своего убеждения. Основывалось это

убеждение на том, что в противном случае вся жизнь была бы вопиющей нелепостью. Человек мыслит, чувствует, знает все окружающее, наслаждается и страдает, — и он исчезает. Его тело разлагается и служит к образованию новых тел, — это все могут видеть ежедневно. Но куда же девается то, что сознавало и себя, и весь окружающий мир? Если материя бессмертна, отчего сознанию суждено исчезать бесследно? Если же оно исчезает, откуда оно появляется, и какая цель такого эфемерного появления? Я считал это нелепостью и потому допустить не мог.

— Теперь я на собственном опыте видел, что сознание не умирает, что я никогда не переставал и, вероятно, никогда не перестану жить. А если какой-нибудь неизвестный закон требует забвения и мрака, зачем в этом мраке являются странные просветы, как это случилось, например, со мной, когда я приехал в замок Ларош-Моден? И я всей душой схватился за это воспоминание, как утопающий хватается за соломинку. Мне казалось, что если я вспомню ясно и точно свою жизнь в этом замке, это прольет свет на все остальное. Никакое внешнее впечатление меня не развлекло, я мог беспрепятственно вспоминать и старался не думать и не размышлять. И вот с какого-то глубокого душевного дна, точно туман со дна реки, начали подниматься сначала неясные, а затем все более отчетливые образы. И вот я до мельчайших подробностей вижу огромную комнату в замке Ларош-Моден. Потолок разрисован розовыми амурами с гирляндами в руках, стены покрыты гобеленами, изображающими охотничьи сцены. Я ясно вижу большого длиннорогого оленя, в отчаянной позе остановившегося над ручьем, и трех настигающих его охотников.

В глубине комнаты – альков, увенчанный золотой короной; по синему штофному балдахину вышиты белые лилии. На противоположной стороне большой портрет короля во весь рост. Я вижу грудь в латах, вижу длинные, немного кривые ноги в ботфортах, но лица разглядеть не могу. Если бы я разглядел лицо, я бы узнал, может быть, в какое время я жил в этом замке, но именно этого я не вижу, какой-то тугой, упрямый клапан в моей памяти не хотел открыться. Я напрягаю все силы, и вдруг в капризной памяти открывается совсем другой клапан. Замок Ларош-Моден исчезает, и новая, неожиданная картина разворачивается передо мною.

Я увидел большое русское село. Бревенчатые избы, покрытые соломой, тянулись под гору по обеим сторонам широкой улицы. Был серый осенний день, а может, вечер. Холодный дождь падал мелкими и частыми каплями с одноцветного неба, ветер гудел и свистал по широкой улице и, поднимая солому с полуразобранных крыш, крутил ее в воздухе. Внизу маленькая речонка быстро катила свои свинцовые вздувавшиеся волны. Я перешел на ту сторону реки, горбатый мост без перил задрожал под моими ногами. С моста были две дороги: налево, в гору, продолжалось село, направо, словно нагнувшись над оврагом, стояла старая деревянная церковь с зеленым куполом. Среди мертвого безмолвия раздается колокольный звон. Звук колокола такой надтреснутый и жалкий, что кажется не звоном, а голосом, выходящим из какой-то наболевшей медной груди. Я иду на этот звон и вхожу в церковь. Церковь полна молящихся, простым серым людом. Служба идет какая-то необычайная, настроение также не такое, как все-

гда бывает в церкви. По временам слышатся стоны в разных углах храма; слезы текут по загорелым, грубым лицам. Священник не может продолжать службу, голос его дрожит, и он с рыданием опускается на колени. Вслед за ним вся тысячная толпа упала ни колени. Теперь стон уже не раздавался по углам церкви, он стоял сплошной массой, как стоит иногда дымный столб от ладана среди храма. Сердце мое переполнилось умилением и братским чувством общей народной скорби; я также бросился на колени и забылся.

Рамки моей памяти раздвигались все шире и шире. Предо мной проходили далекие, давно забытые и, как мне казалось, никогда не виданные страны, дикие леса, какие-то гигантские бои, в которых к людям примешивались и звери. Но это были туманные очертания, из которых еще не складывалось никакого определенного образа. Среди этих картин промелькнула девочка в голубом платье. Эта девочка была мне давно знакома: во время моего последнего существования она изредка появлялась мне во сне, и я всегда считал такой сон дурным предзнаменованием. Это была девочка лет десяти, худая, бледная и некрасивая, только глаза у нее были чудесные: черные, глубокие, с серьезным, совсем не детским выражением. Иногда эти глаза выражали такое страдание и такой испуг, что, встретившись с ее взглядом, я немедленно просыпался с биением сердца и с каплями холодного пота на лбу. После этого я бывал уже не в силах заснуть и несколько дней находился в раздраженном, нервном состоянии. Теперь я убедился в том, что эта девочка действительно существовала, и что я ее знал когда-то... Но кто была она? Была ли она мне

дочь, или сестра, или совсем посторонняя? И отчего в ее испуганных глазах выражалось такое нечеловеческое страдание? Какой изверг мучил этого ребенка? А может быть, я сам мучил ее когда-то, и она являлась мне во сне как наказание и упрек?

Странно, что среди моих воспоминаний не было вовсе веселых, радостных, что мои внутренние очи читали только страницы зла и горя. Конечно, бывали в моих существованиях и радостные дни, но, вероятно, их было немного, потому что они забывались и потонули в море всяких страданий. А если это так, то к чему же самая жизнь? Нельзя же предположить, что жизнь устроена для одного страдания. Есть ли у нее какая-нибудь другая, конечная цель? Вероятно, есть, но узнаю ли я ее когда-нибудь?

Ввиду этого незнания мое теперешнее положение, то есть состояние безусловной неподвижности и покоя, должно бы было мне казаться верхом блаженства. А между тем из всего этого хаоса неясных воспоминаний и отрывочных мыслей начало у меня выделяться одно странное чувство: меня потянуло опять в ту юдоль мрака и скорби, из которой я только что вышел. Я старался заглушить в себе это ощущение; но оно росло, крепло, побеждало все доводы, — и, наконец, перешло в страстную, неудержимую жажду жизни.

V

О ТОЛЬКО бы жить! Я вовсе не прошу продолжения моего прежнего существования, — мне все равно, чем родиться: князем или

мужиком, богачом или нищим. Люди говорят: «Не в деньгах счастье» и, однако, считают счастьем именно те блага жизни, которые приобретаются за деньги. Между тем счастье не в этих благах, а во внутреннем довольстве человека. Где начинается и где кончается это довольство? Все сравнительно, все зависит от горизонта и от масштаба. Нищий, протягивающий руку за грошом и получающий от неизвестного благодетеля рубль, испытывает, быть может, большее удовольствие, нежели банкир, выигрывающий неожиданно двести тысяч. Я и прежде так думал, но утвердиться в этих мыслях мешали мне предрассудки, внушенные с детства и признававшиеся мной за аксиомы. Теперь эти миражи рассеялись, и я вижу все гораздо яснее.

О, только бы жить! Только бы видеть человеческие лица, слышать звуки человеческого голоса, войти опять в общение с людьми... со всякими людьми: хорошими и дурными! Да и есть ли на свете безусловно дурные люди? И если вспомнить те ужасные условия бессилия и неведения, среди которых осужден жить и вращаться человек, то скорей можно удивляться тому, что есть на свете безусловно хорошие люди. Человек не знает ничего из того, что ему больше всего нужно знать. Он не знает, зачем он родился, для чего живет, почему умирает. Он забывает все свои прежние существования и не может даже догадываться о будущих. Он не понимает цели всех этих последовательных существований и совершает непонятный для него обряд жизни среди мрака и разнородных страданий. А как ему хочется вырваться из этого мрака, как он силится понять, как хлопочет устроить и улучшить свой быт, как напрягает он свой бедный, ограниченный разум! И все

его усилия пропадают даром, все изобретения – часто гениальные – не разрешают ни одного из волнующих его вопросов. Во всех своих стремлениях он встречает предел, дальше которого идти не может. Он, например, знает, что кроме земли, существуют другие миры, другие планеты; с помощью математических выкладок он знает, как эти планеты движутся, когда они приближаются к земле и когда от нее удаляются; но что происходит на этих планетах и есть ли там подобные ему существа, – об этом он может догадываться, но, наверное, не узнает никогда. А он все-таки надеется и ищет. В Америке, на одной из самых высоких гор собираются зажечь электрический костер, чтобы подать сигнал обитателям Марса. Разве не трогателен этот костер по своей детской наивности?

О, я хочу вернуться к этим несчастным, жалким, терпеливым и дорогим существам! Я хочу жить общей с ними жизнью, хочу опять вмешаться в их мелкие интересы и дразги, которым они придают такое важное значение. Многих на них я буду любить, с другими бороться, третьих ненавидеть, – но я хочу этой любви, этой ненависти, этой борьбы!

О, только бы жить! Я хочу видеть, как солнце опускается за горой и синее небо покрывается яркими звездами, как на зеркальной поверхности моря появляются белые барашки и целые скалы волн разбиваются друг о друга под голос неожиданной бури. Я хочу броситься в челноке навстречу этой буре, хочу скакать на бешеной тройке по снежной степи, хочу идти с кинжалами на разъяренного медведя, хочу испытать все тревоги и все мелочи жизни. Я хочу видеть, как молния разрезывает небо и как зеленый

жук переползает с одной ветки на другую. Я хочу обонять запах скошенного сена и запах дегтя, хочу слышать пение соловья в кустах сирени и кваканье лягушек у пруда, звон колокола в деревенской церкви и стук дрожек по мостовой, хочу слышать торжественные аккорды героической симфонии и лихие звуки хоровой цыганской песни.

О, только бы жить! Только бы иметь возможностьдохнуть земным воздухом и произнести человеческое слово, только бы крикнуть, крикнуть!..

И вдруг я вскрикнул, всей грудью, изо всей силы вскрикнул. Безумная радость охватила меня при этом крике, но звук моего голоса поразил меня, Это не был мой обыкновенный голос, это был какой-то слабый, тщедушный крик. Я раскрыл глаза; яркий свет морозного ясного утро едва не ослепил меня. Я находился в комнате Настасьи. Софья Францевна держала меня на руках. Настасья лежала на кровати вся красная, обложенная подушками, и тяжело дышала.

– Слушай, Васютка, – раздался голос Софьи Францевны, – проберись как-нибудь в эту залу и вызови Семена на минутку.

– Да как же я туда проберусь, тетенька? – отвечала Васютка. – Сейчас князя выносить будут, гостей собралось там видимо-невидимо.

– Ну, как-нибудь проберись, на минутку всего вызови, ведь все-таки отец.

Васютка исчезла и через минуту воротилась с Семеном. Он был в черном фраке, обшитом плерезами, и держал в руке какое-то огромное полотенце.

– Ну, что? – спросил он, вбегая.

– Все благополучно, поздравляю, – произнесла торжественно Софья Францевна.

– Ну, слава тебе, господи, – сказал Семен и, даже не посмотрев на меня, побежал обратно.

– Мальчик или девочка? – спросил он уже из коридора.

– Мальчик, мальчик!

– Ну, слава тебе, господи, – повторил Семен и скрылся.

В это время Юдишна оканчивала свой туалет перед комодом, на котором стояло старое кривое зеркало в медной оправе. Повязав голову черным шерстяным платком, чтобы идти на вынос, она обратила негодующий взгляд на Настасью.

– Нашла тоже время, – нечего сказать, князя выносят, а она в это время рожать вздумала. О, чтоб тебя!..

Юдишна с ожесточением плюнула и, набожно крестясь, поплыла по коридору. Настасья ничего ей не ответила, только улыбнулась ей вслед какой-то блаженной улыбкой.

А меня выкупали в корыте, спеленали и уложили в люльку. Я немедленно заснул, как странник, уставший после долгого утомительного пути, и во время этого глубокого сна забыл все, что происходило со мной до этой минуты.

Через несколько часов я проснулся существом беспомощным, бессмысленным и хилым, обреченным на непрерывное страдание.

Я вступал в новую жизнь...

ПУСТЬ КАЖДЫЙ МЫСЛИТ О КРЫЛЬЯХ

Подумайте, как границы Космоса с вами соприкасаются... Прекрасно уже иметь астральное тело, когда дух уже не смутится перед полетами дальними... Летать – какое прекрасное слово! В нем уже задаток нашего назначения. Когда тяжело, мыслите о полетах, пусть каждый мыслит о крыльях! Шлю смелым все токи пространства.

Н. К. РЕРИХ¹

В ОДНУ из ночей мы готовились к астральному полету в Космос.

Проделав упражнения, необходимые для создания общего биополя и накачки энергии, сцепившись друг с другом руками и ногами, лежали, откинувшись, закрыв глаза. Звучала какая-то восточная мелодия («медитационная музыка»), поначалу казавшаяся бесстрастной, но постепенно она завораживала. Отдаляясь, раздвинула стены и заполнила все пространство от земли до самых небес. В воздухе ощущалась вибрация, хотя тела наши, будто «чужие», вбитые в пол какой-то неведомой силой, распластались в неподвижности. Голос Т. З. доносился тоже откуда-то сверху: «Сейчас вы увидите трубу, по ней – вверх

¹ Здесь и далее приведены цитаты из книг Н. К. и Е. И. Рерих «Община» и А. Н. Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии».

по одному». Сознание работало четко. «Почему именно трубу?» – подумала я. Признаюсь, мне не хотелось через нее взлетать на небо. И я ее не увидела. Ждала долго, уже не надеясь побывать там, как вдруг вибрация усилилась. Это Т. З., собрав всю мощь своей внутренней энергии (а она у нее, чувствовалось, огромная), пробила блок, мешавший нашему взлету.

Многие из вас, уважаемые читатели, наверняка слышали о семинарах, готовящих биоэнерготерапевтов или, как их еще называют, экстрасенсов: они идут сейчас то в одном, то в другом городе. Существуют уже различные методики этого обучения: Джуны, Е. П. Золотова, Р. С. Фридмана...

Мне довелось побывать на экспериментальном медицинском семинаре-практикуме, проходившем в Свердловске (на базе кооператива «Мать и дитя»). Организаторы его – врачи В. В. Лозовой и А. Г. Кузнецов. Обучение проходило в основном по методике Р. С. Фридмана (далее – Р. С.) – ленинградского врача-биоэнерготерапевта 1 категории. Занятия он проводил сам. (Кстати, определил ауру нашего города: она светлее ленинградской, но энергетика у нас жестче). Много было молодых инструкторов, среди них и Т. З. Полуяхтова (в тексте – Т. З.).

Воображение ли над ними действовало или что другое, до того нет нам нужды; но что все чувствовали в нервной системе потрясение, то истинно.

А. И. РАДИЩЕВ.

Я УВИДЕЛА себя устремленной вверх. Руки крепко прижаты к телу. Затем – темнота. Через какие-то секунды снова вижу себя – уже в ночном небе. Проплыла не меж звезд, а как бы на их фоне, и снова все исчезло.

После делились своими впечатлениями. Одна из нас в полете успела уловить какое-то движение за собой. Оглянувшись, заметила тени, отделявшиеся от края трубы. Другая же после полета вошла в экстаз. Т. Я. объяснила, что это добрый знак: как после бури природа обновляется, так и организм человека – происходит тот же процесс. У этой женщины появилась способность ясновидения (закроет глаза, проведет рукой вдоль тела и «видит», как на рентгеновском снимке, в каком состоянии у человека находятся его органы). У кого-то обострился слух.

Не выходя из помещения, Т. З. определила, что мы своей сконцентрированной энергией привлекли четыре объекта. Поспешили на улицу. Увидели только один – крупную красную звезду, гораздо крупнее обычной. Она заметно удалялась. Знатоки объяснили, что поведение ее обитателей зависит от настроения, и Т. З. попросила не привлекать их внимания. Попрощались с ними: «Летите с Богом, мы не желаем вам зла». Надо сказать, встряска в эту ночь была основательная.

Что это? Скажете, бред? Да нет, мы были, как говорят, в здоровом уме и твердой памяти. Однако сомнения терзали...

О истина! Непреложный орган Всевышнего! Спусти на блуждающего во мнениях хотя единый луч предвечного твоего света, да отлетит от меня блуждение да тебя я узрю!

А. Н. РАДИЩЕВ.

ПРИНЯТЬ сразу, безоговорочно, все, что происходило со мной на семинаре, в частности, «ночной полет», я не могла. Надо было поразмыслить. Убеждала себя рериховскими словами: «Допускаю явление непонимания как сор на пороге». Понимать-то я понимала: уже в какой-то степени была подготовлена к тому, что происходило на семинаре, знала, что есть люди, спокойно выходящие в астрал. Почему бы и самой не попробовать? Но тем ли путем? Очевидно, я мыслила исторически сложившимся стереотипом: наши далекие предки считали такие вот ночные прогулки (через трубу) делом нечистым, и у меня этот стереотип моментально сработал, вызвав душевный дискомфорт. А на новом витке истории, как писал Н. К. Рерих, «при космических построениях», необходимо менять сознание, взглянуть на мир по-новому, иначе снова, чего доброго, придем к средневековому костру – пусть и словесному.

Взглянуть на мир по-новому... В связи с этим мне вспомнился кастанедовский герой – дон Хуан, эзотериче-

ский мир которого совсем не похож на наш обыденный, где каждый из нас как бы исполняет свою заученную роль. Американский писатель Карлос Кастанеда, познакомившись ближе с индейским магом доном Хуаном, помимо своей воли, стал его преданнейшим учеником. Кастанеда пишет: «Люди считают, будто мир их обыденной жизни реален и существует сам по себе, для мага же известная людям реальность – порождение определенного способа описания мира... способа, навязанного нам еще в младенчестве... Любой взрослый, воспитывающий ребенка, учит его, непрерывно описывая мир, и наступает момент, когда ребенок и сам начинает воспринимать мир в соответствии с этим описанием, или, иными словами, переходит в новое качество, впервые «включается». (Этот знаменательный момент потом забывается, так как и об изначальном своем качестве человек ничего не помнит, и новое сравнить не с чем)». Поэтому все мы в основном воспринимаем мир одинаково. В мозг ребенка, как в компьютер, родители закладывают новую программу, отличную от той, с которой он рождается. Истинные знания о мире, данные новорожденному Всевышним, блокируются. Для того, чтобы увидеть этот мир ребячьими глазами – с добрыми и злыми волшебниками, где деревья и звери разговаривают с человеком на особом языке – языке знаков, – необходимо этот мир остановить на время, чем-то из ряда вон выходящим – БАМПом. Это слово я впервые услышала на семинарских лекциях. БАМП – как удар хлыста. Таким вот stop-сигналом и был для меня семинар.

О человек! Не ясно ли: ты есть сын Божества, не его ли в тебе сила беспредельная!

А. Н. РАДИЩЕВ.

В ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ (зашифрованных) знаниях древних о человеке говорится как о микроскоме в макроскоме. И ученые сейчас признали их правоту. Человек воспринимает все изменения, происходящие во Вселенной, и так или иначе сам на нее влияет. Физики объясняют контакты человека с Космосом, со всей природой, недавно казавшиеся нам сверхъестественными, просто: для общения необходимо войти в резонанс с их внутренними ритмами, попросту говоря, настроиться на одну волну (примерно то же самое происходит при теле- и радиопередачах). Электромагнитные волны различной длины идут от всего живого, естественно – и от каждого из нас, неся с собой ту или иную информацию. Нужно только научиться ее считывать. Для этого необходимо развить в себе экстрасенсорные способности (экстра – «сверх», «вне», «необычный»; сенсорный – «восприятие», «чувство», «ощущение») соответствующими упражнениями. Этими способностями обладает каждый человек. Люди, наделенные от природы сверхоощущениями, появились не вдруг. Они жили во все времена. Раньше их называли ведьмами, колдунами, шаманами. Давайте рассмотрим слово «ведьма» (мы иногда произносим слова, не вникая в их первоначальный смысл), оно произошло от старинного слова «ведать» – значит, знать. Повторюсь, ведают и дети. Помните, у Блока: «Причастный тайнам плакал ребенок...»?

Прикоснулись к этим тайнам и мы. Конечно, никакой семинар сразу не разовьет в человеке сверхощущения, но он не только даст общие представления об экстрасенсорике, а и позволит заглянуть внутрь своей души, проанализировать свое миросостояние.

Нас было сорок шесть человек, в основном – медики, пожелавшие стать биоэнерготерапевтами. Кто-то уже бывал на подобных семинарах, кто-то пришел впервые. Лекции чередовались с практическими занятиями. В редкие минуты перерыва я заглядывала на прием к врачу-биоэнерготерапевту Т. А. Кожевниковой (кооператив «Мать и дитя»), чтобы понаблюдать, как все это происходит на депо. Кабинет у нее никогда не пустовал: многим больным помогла она избавиться от недугов, а молва людская быстро расходится. Однажды было особенно людно. «Деревня Покровка в полном составе», – пошутила Галина Александровна. А самой, смотрю, не до шуток. Это только на первый взгляд кажется: чего там, стой да маши руками. Врачевание рукой – тяжелая, ответственнейшая работа. Здесь нужны не только специальные медицинские знания, но и в какой-то мере познания тайн человеческой души, особенностей организма, а также основы философских знаний и психологии. Слова клятвы Гиппократы: «Отдать больному все силы и все разумение» должны звучать здесь с особой силой. Если обычный медик может иногда и «в сердцах», в озлобленном состоянии лечить больного, то необычный (пока еще) биоэнерготерапевт позволить себе этого не имеет права. Он лечит светом (методика Р. С.), то есть энергией, которую получает из Космоса и,

пропуская через себя, доносит ее на кончиках пальцев до больного. И она не должна быть у него засоренной никакими черными мыслями. Недаром говорят в народе – с легкой руки или – рука у него тяжелая. Даже машины, не говоря о растениях, умеют это различать: «Подвергая ткачей психическому испытанию, можно было ясно видеть, что в руках, обладавших психической энергией, станки менее нуждались в отдыхе, как бы живой ток сообщался станку и удлинял его жизнеспособность» (Н. К. Рерих).

У Г. А. рука легкая. Детишки это чувствуют и реагируют при лечении на каждый ее жест. Вначале она неторопливо беседует с больным, настраивает его на лечение и сама настраивается на одну с ним волну – для установки общего биополя. И начинается лечение. Невидимые глазу лучики, исходящие от кончиков пальцев, проникают в тело человека, находят пораженные места, где по какой-то причине прерывается поток энергии, «штопают» их, растворяют своей лучистой энергией.

На практических занятиях мы пытались сами (предварительно прослушав лекции Р. С.) устанавливать диагноз друг у друга, снимать головную боль... А для того, чтобы разбудить центры, ведающие сверхоощущениями, тренировались в ходьбе по «информационному следу». Как на не совсем нормальных смотрели на нас прохожие: бегают или крадутся друг за другом с завязанными глазами, а в сторонке оператор что-то колдует у эксперта за спиной (нас всех разбили на эксперт-операторские пары для более близкой «притирки»), работа в едином биополе, как я уже

говорила, помогает считывать информационные сигналы)... Там пара исполняет какой-то немислимый танец: один к одному выполняются все движения, хотя глаза у эксперта завязаны. Вдруг дается команда, и, сцепившись паровозиком, группа начинает ходить кругами – тоже для установления общего биополя, а также для активизации «ножных каналов». Многие в такой паровозик «не играли», оно и понятно: у кого сильное биополе, у кого послабее, и последний как бы подпитывался, сам того не осознавая, от первого забирал часть его энергии. Конечно, человек с сильным биополем испытал от этого временный дискомфорт (нечто подобное – уравнивание биополей – происходит и в наших бесконечных очередях).

Хочется еще рассказать об одном занятии – лечении светоочистительной медитацией, проводимом с нами Р. С,

Мысль, нами уловленная, мысль, всю душу исполнившая, всю се объемлющая, отторгается, так сказать, мысленность от телесности, тогда, забывая все чувствуемое, забывая сам себя, человек несется в страну мысленную; время и пространство исчезают перед ним; он сокрушает все пределы, и занесенному ногу в вечность Вселенная уже тесна.

А. Н. РАДИЩЕВ.

МЫ образовали круг. «Закройте глаза. Представьте себе Нечто, приятно поразившее вас однажды своей светлостью, необычностью,

какой-то радостной тайной», – говорил Р. С.. Приглушенно звучала медитационная музыка, создавая определенное настроение. И тут на память мне пришел эпизод.

...Однажды, это было на Духов день, возвращалась я из деревни – до своротка пешком километров пять. Просторная дорога шла чуть-чуть на подъем (и это после тоже сыграло свою роль). Ничего постороннего – лес да небо. А небо-то было! – я в жизни не видывала такого. Оно струилось, дышало и при каждом радостном вдохе, казалось, меняло один праздничный наряд на другой. Великий Творец украсил свое жилище непередаваемыми цветами ликования. Не отрываясь, смотрела я на это Торжество Духа, и вдруг почудилось мне, будто не иду, а плыву я по небесному океану нежности, и легкий ветерок – его дыхание – неслышно помогает мне...

Вот это-то Небо я и представила. «Подчиняйтесь каждому движению своего тела, – говорил Р. С., – не препятствуйте ему высказаться». Плавно поднялись руки, потянулись вверх – к небу и замерли, будто в мольбе. Постепенно пришло в движение все тело – каждая мышца, каждая клеточка. Снова стало так легко и благостно, как в тот памятный день. Восторг заполнил всю мою сущность. Уже в конце сеанса та же неведомая сила склонила мое тело до самой земли, И в таком вот низжайшем поклоне, в почтении перед могуществом Бога и Природы, замерла я минуты на две.

Скажу вам, эффект от лечения светоочистительной медитацией не сравним ни с одним «традиционным». Вы можете проверить это на себе, где-нибудь подальше от города, отбросив все свои мирские заботы, полностью уйдя мыслями в мир природы.

Что душа или мысленность властвует над болезнями тела, то, может быть, и бывает двояко. Болезнь может она дать телу и болезнь отъяти.

А. Н. РАДИЩЕВ.

Я НЕ случайно описала эти два занятия (напомню, первое – «ночной полет»): они, на мой взгляд, наиболее ярко представляют две различные школы, присутствующие на семинаре. Не берусь глубоко судить об эффективности методик ни той, ни другой – кому кто ближе. Замечу только, опять же на мой взгляд, что представителям одной (школа Золотова) ближе для общения с Космосом ночи полнолуния, другой (школа Фридмана) – свет белого дня. Видимо, это зависит от того, под каким знаком Зодиака родился человек, влиянию какой планеты он подвержен, каковы его жизненные установки. Осмелюсь высказать свое мнение: не следовало бы сводить две различные школы на один семинар, постоянно чувствовались сшибки. Первые работают в основном в астральном плане (наша земля – физический план, выше идет астральный, еще выше – ментальный), вторые – в ментальном. Может быть, я и не права. Организаторам хотелось дать нам как можно больше различной информации о необычных явлениях, и, надо сказать, цели они своей добились. За девять дней мы получили столько, что переваривать все это придется не меньше года. Ежедневно чувствовался мощный психический «напряг».

Конечно, представление о той и другой школе у меня довольно поверхностное, но даже при таком знакомстве

можно отличить одну от другой. Школа Золотова мне больше напомнила шаманство. Для ясности еще один пример.

...Встали в круг (заметьте – опять круг, он обладает магической силой – защитой от всякой нечисти; почему не квадрат? Как нам объяснили, «нечистой силе» ничего не стоит отыскать в углах квадрата малейшую щелку). В середину мысленно посадили на стул больного, вернее, его фантом (видели его только на фотографии) – и работа в астрале началась. Несколько раз обошли вокруг него, выполняя одни и те же движения, постепенно ускоряя темп, тянули хором один и тот же звук, сначала ниже, потом громче, громче... Попросту говоря, шаманили. Напряглись и начали медленно изгонять болезнь, насланную на него чьей-то злой волей. Раньше в народе просто определяли диагноз таких больных – напустили порчу, в переводе на современный язык – умышленно прервали биополе, эту невидимую оболочку, окутывающую наше тело, по которому циркулирует энергия. При ее «проломе» энергия, необходимая организму, утекает на сторону, и человек начинает чахнуть.

Скажете, кто-то же сделал зло. Как же быть, если экстрасенсорными способностями «в массовом порядке» начнут овладевать темные? Думается, они на подобные семинары не пойдут, чтобы не раскрыть себя. Это во-первых. А во-вторых, как сказал Н. К. Рерих, «темные сражаются яростно», они и без всякого обучения могут отрицательно влиять на людей и даже убивать одним взглядом. Впрочем, следует остерегаться давать оценку человеку – светлый он или темный: каждый из нас одно-

времечко является и донором, и вампиром. И что в человеке победит – будет зависеть от того, насколько в нем развито доброе, духовное начало. Примитивен тот, который, окружив себя «ореолом светлости», свысока поглядывает на заклеянных им «темных». Истинный светлый, если он чувствует в себе такую силу, разгонит тьму, сгустившуюся над его заблудшими братьями (классический пример – Иисус Христос, Святой Апостол Павел, Мария Магдалина).

Это уже вопросы этики. Гармонично развитая личность, для которой единственный путь совершенства – путь к богу через добродетель, победит внутреннего своего вампира (не в этой, так в последующих жизнях) и не позволит себе использовать открывшиеся ему знания во зло. (Эта мысль сквозила на протяжении всего семинара; подчеркивалось, что прежде чем посвятить себя врачебельскому делу, нужно очистить все свои мысли и поступки). Еще великий гуманист, писатель А. П. Чехов говорил: «Профессия врача требует чистоты души и чистоты помыслов».

В связи с этим мне хотелось бы рассказать такую легенду (а, может, и был). Много веков назад, на заре человечества, людям Небесами давались ведущие (Учителя). Они (их называли богами) не давали землянам забыть космические знания, вели их по жизни согласно законам гармонии, помогали достигнуть совершенства. Но случилось непоправимое – боги поссорились (может, был виноват дьявол, сеющий вокруг себя зерна раздора). Война богов долго длилась. Перебили они друг друга, и люди осиротели. Постепенно высшие знания забывались, и люди

заблудились «на тропе жизни», свернули к пропасти. Но далеко от городов, в глухих местечках, остались те немногие, которые, общаясь только с природой, сохранили истинные знания о мире. Нет-нет да просачиваются их крупицы к людям.

К чему я все это веду: не суди строго! «Не судите сами да не судимы будете», – говорит нам Библия. На каждом из нас лежит грех, как наш собственный, так и далеких предков. И задача наша в этой жизни искупить эти грехи добродетелью. Кому легко это дается, кому тяжелее, такая, видать, у человека карма прошлых рождений.

Одаренный разными качествами, употребляй их цели твоей соразмерно, но берегись, да не употреби их во зло. Казнь живет сосмежно злоупотреблению. Ты в себе заключаешь блаженство твое и злополучие... зло, тобою сделанное, будет зло для тебя. Ты будущее свое определяешь настоящим.

А. Н. РАДИЩЕВ.

ПОДРОБНЕЕ остановлюсь на одной из лекций, которая, на мой взгляд, заинтересует многих. Астральная и ментальная энергия не ощущается нами, но она есть. Все наши действия нужно соразмерять с космическими силами. Это должно быть внутренним кодексом человека. Энергетическая вибрация от каждого жеста, взмаха руки, каждого сказанного слова доходит до космических далей, неся с собой положительную или отрицательную информацию, сея там зерна радости

или беды. Трансформируясь, она бумерангом возвращается к человеку в виде уже готовых плодов.

Единомышленники, объединяясь на земле, посылают свою информацию в Космос. Там она не растворяется, а сосредоточивается в каком-то одном месте и образует эгрэгор-сущность (внешне напоминает уплотненное облако), в ней есть чувства, идея, интеллект, разум. Таких эгрэгоров на небесах огромное множество – плохих и хороших. Мы можем настроиться на эгрэгор, почувствовать и измерить его структуру. При их столкновении на небесах – на земле происходят различные катаклизмы (что мы, к сожалению, и наблюдаем сегодня). Эгрэгор можно очистить, выполняя, в первую очередь, общечеловеческие заповеди добра, честности, человеколюбия, церковным песнопением, а также произнося мантры.

У каждого человека на небесах (в астрале) находится двойник, с которым существует обратная связь (медитируя, мы можем видеть своих двойников – или в нашем земном обличье, или в виде голубоватого светящегося объекта-облачка). Очищаясь на земле от грехов, раскаиваясь в неблагоприятных поступках, человек очищает, просветляет своего двойника. И наоборот: греша и прелюбодействуя, мы наносим тем самым вред нашему высшему Я (разрушает его также звукосочетание бранных слов). Тем самым готовим себе (осознанно или неосознанно) замену для будущей земной жизни, после так называемой смерти. Предназначение человека на земле – его духовное очищение, служение идеалам Веры, Надежды, Любви; процесс этот творческий, длительный. Много жизней приходится каждому из нас прожить, чтобы Душа достигла совершен-

ства. Стало быть, прав был наш соотечественник, сказав что «...предрожденное состояние человека определяло его состояние в жизни, а жизненное его состояние определяет, что он будет по смерти» (А. Н Радищев).

Так что до рая путь не близок, ибо часто слаб бывает человек. Помните обращение Иисуса Христа к толпе: «Кто из вас не грешен, пусть первый бросит в меня камень». Не нашлось такого среди толпы.

Душа, попадая в другой план (чистилище), постепенно нейтрализуется, просветляется. Близким на земле нужно молить Бога, чтоб простил Он душу грешную (особенно на 9-й и 40-й день после смерти, когда ей всего труднее перейти в новое состояние).

Спиритические сеансы – вызывание духов только вредят душе, мешают ей очиститься и подняться выше – в ментальный план.

Человек, проклиная кого-то, берет на свою душу страшный грех. Душа проклятого-мытаря в ментальный плен перейти не может – нет нейтрализующего момента. И мотается эта грешная душа между небом и землей, пытаясь реализоваться (в виде привидений), является к проклявшему ее, не может нигде найти покоя. Проклятие нужно снимать на земле. Ведь не случайно в народе есть обычай просить прощения перед смертью у родных, знакомых и даже незнакомых, потому что каждый друг перед другом в чем-то виноват.

Я бы могла и дальше излагать содержание лекций Р. С., но боюсь вас утомить, да, откровенно, сама толком не разобралась в его научных выкладках, требующих специальных медицинских знаний. Что, к примеру, говорит вам

такая фраза: признаки заболевания, по Фридману, следует определять по блокам – активности, адекватности, репродуктивности? Ничего (может быть, медики поймут, да и то не все). Кто заинтересуется этим учением, найдет возможность его изучить.

Я писала о том, что тронуло мое сердце. Этот семинар убедил меня еще раз в том, что мы – не только жители Земли и что человек, поднявший глаза на Небо, почувствовавший с ним родственную связь, уже не сможет жить без него. Он начинает светиться для Космоса, и Небо его замечает. Чем ярче он светится, тем большая ответственность на него возлагается за каждый его шаг, за каждое сказанное слово. Тот, кто вступает на Путь Ученика, с него обычно не сворачивает, с ним уже «не случается, а происходит». И вновь хочу вернуться к мудрым мыслям А. Н. Радищева:

Блаженны, если вступили в путь истинный; сожаления будем достойны, но не наказания, если заблудим; ибо мы во след течем истине; мы ищем ее со рвением и нелицемерно.

Для желающих поближе ознакомиться с «нетрадиционными» методами лечения, предложенными нам на семинаре, привожу два раздела из информационного выпуска по биоэнергетике.

ЦИРКУЛЯЦИЯ БИОЭНЕРГИИ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ЧЕЛОВЕКА

Различают семь основных энергетических центров человека, нумеруемых снизу вверх и имеющих цвета радуги, – от красного до фиолетового. В каждом энергетическом центре имеется некоторый запас энергии соответствующего цвета – красного, желтого и синего или смешанного – оранжевого, зеленого и фиолетового. В норме идет постоянная циркуляция между этими энергетическими центрами – «чакрами» и обмен энергией с внешней средой. Энергия различных центров может смешиваться, давая соответствующие оттенки цветности, при этом белая энергия, содержащая все цвета, может усваиваться любым центром. Циркуляция энергии, идущая вокруг позвоночного столба по спирали, ведет к вращению чакр, что можно измерить, например, рамкой. Данный прием является удобным и мощным средством диагностики и контроля эффективности лечения. В норме идет гармоническое вращение чакр снизу вверх для 1–3-й и сверху вниз для 7–5-й чакр; 4-я чакра, зеленая, остается в норме всегда нейтральной. Эзотерические знания связывают эту чакру с сердечной энергией и придают ей важнейшее значение. Отклонение от нуля для этой чакры означает быстрое истощение энергетики. При использовании представлений о многомерных пространствах 4-я чакра соответствует четвертому измерению – то есть времени. Отклонение от нуля означает, в частности, более быстрое старение организма, что в целом подтверждается клиническими наблюдениями. Это связано прежде всего с более быстрым изнашиванием сердца – наиболее близкого органа к этой чакре.

В обычно рассматриваемом порядке чакры представлены следующим образом.

Первая чакра, красная, находится на внутренней поверхности окончания позвоночного столба – копчике. Она ответственна за нижнюю часть кишечника и нижние конечности, кроме того, здесь собирается основной запас энергии, поступающей в организм от земли, – через ноги. На ногах оканчиваются в точках иглоукалывания энергетические каналы от всех органов, поэтому практикуемые в последнее время методы босохождения весьма полезны для тренировки экстрасенсов, особенно начинающих.

Вторая чакра, оранжевая, ответственна за мочеполовую сферу и у человека является наиболее сильным источником энергетике (до периода климакса). Она локализуется на позвоночнике на уровне лобка.

Третья чакра, желтая, связана с солнечным сплетением – основным распределителем энергии среди внутренних органов брюшной полости. Желтая энергия является очень важной и символизирует свободу действий. Поступать желтая энергия может, в частности, с пищей. Приток энергии отмечается уже в первые 30 минут после приема пищи, поэтому процессы собственно переваривания и всасывания пищи не имеют прямого отношения к снятию желтой энергии пищи, более того, они проходят при затрате энергии организма, вот почему не рекомендуют заниматься экстрасенсорными упражнениями ранее, чем через 2, а лучше, чем через 4 часа после приема пищи. Вегетарианство и голодание, посты являются важным фактором в подготовительном режиме обучающихся экстрасенсорным методам воздействий.

Четвертая чакра, зеленая, связана с сердцем и расположена в грудной клетке на внутренней поверхности позвоночника на уровне сердца. Энергия сердца считается наиболее важной для человека, и овладению ей придают важнейшее значение в эзотерической литературе.

Пятая чакра, синяя с белым, голубая, является горловой и связана с дыхательным горлом и голосом, а также со щитовидной железой. Она важна для эмоций и чувствования человека.

Шестая чакра у человека «закрыта» (открыта у йогов и у занимающихся специальными упражнениям экстра-сенсорики). Это так называемый «третий глаз», который связывает с эпифизом. Он очень важен для развития экстрасенсорных способностей, в частности, для ясновидения, видения прошлого и будущего. Цвет энергии – синий.

Седьмая чакра, фиолетовая, связывается с высшей нервной деятельностью коры головного мозга. Она, как считают, прямо связана с космическими энергиями, высшими духовными существами.

На чакры проецируются влияния планет, которым в астрологии приписывают определенные значения и свойства. Знаки Зодиака связывают с 12 китайскими астральными каналами, которые достаточно подробно освещены в книгах по рефлексотерапии.

ОСОБЕННОСТИ ЛЕЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ

Головная боль. Обычно используют подающую энергию руку, которая одновременно снимает отрицательную

энергию. Движения спиралеобразные, по часовой стрелке. В конце идет сброс сигнала. Одновременно воспринимающая рука может служить экраном и колеблется в стороне, противоположной боли. Сняв основной очаг, идут по часовой стрелке и снимают все обнаруженные очаги выброса энергии. Лечение закрепляют энергичными пассами вокруг головы. Вторичную головную боль желательнее лечить, воздействуя на основное заболевание.

Гипертония. Часть крови отводят в область малого таза активными пассами сверху вниз. При этом на какое-то время на руках давление может повышаться. Противопоказания такого способа снятия энергии – беременность, воспалительные заболевания гинекологической направленности.

Другой способ: подающая энергию рука на лбу, воспринимающая – на основании черепа. После ощущения энергетического кольца между руками делают спиралеобразные движения сверху вниз по позвоночнику от затылка до копчика, сбрасывая энергию.

Гипотония. Серией интенсивных пассов подают кровь снизу вверх, представляя подачу масс крови. Другой прием: подающая энергию рука на лбу, воспринимающая на затылке, затем движение рукой от копчика вверх по позвоночнику.

Лечение хронических заболеваний. Часто, кроме вторых воздействий, используют энергонасыщенные предметы, – намагниченную воду. Для насыщения энергией стакан с водопроводной чистой водой или чаем, поддерживая снизу экранирующей рукой, сверху ведут накачку энергией в течение 5–10 минут. Вкус такой воды слегка

металлический. Принимают по 1/2–1 стакану 2–3 раза в день.

Лечение на расстоянии. Расстояние не имеет значения, если биооператор имеет достаточно полное представление о лице, на которое идет воздействие. Адресат должен при этом быть настроен на биотерапевта. Контакт может осуществляться по телефону. Входят мысленно в образ больного, детально представляют его личность. После установки и чувства наступления контакта, проводят воздействие. Можно помогать себе движениями рук, представляя себе пациента стоящим перед собой, – так называемая работа с «фантомом». После окончания работы «фантом» желательно убрать движением руки. Все приемы лечения на расстоянии такие же, как и при контакте.

Лечение по фотографии. Ясно, что фотография улучшает представление об объекте воздействия. Крупные фотографии можно использовать для диагностики и воздействия непосредственно, представляя, что они имеют прямую связь с объектом воздействия. Небольшие фотографии используют для получения по ним «фантома», с которым, собственно, и работают. На фотографиях групповых можно четко выделить лиц живых и умерших, с которыми прямой контакт не устанавливается.

Лечение взглядом. Так как направление движения энергии подчиняется мысленному приказу, лечить можно взглядом. Для полного развития способа нужны специальные тренировки. Обычно представляют, что из глаз выходят лучи биоэнергии, достигающие больного. Эти лучи можно ощущать физически, а лица с так называемым аст-

ральным зрением их видят. У овладевших этим способом лечения биооператоров вырабатывается так называемый «магнетический взгляд», глаза блестят и обладают пронизывающей силой. Такой способ воздействия используют и для диагностики, «просматривая» внутренние органы и биополе человека. При определенной тренировке можно видеть ауру человека различных оттенков – его биополе, имеющее особую напряженность вокруг головы.

Самолечение. Набор энергии, предшествующий лечению других, сам по себе целебен, и биооператор, как правило, в процессе лечения сам оздоравливается. Опасно лишь перенять на себя болезни пациента. Для самолечения часто используют мысленное лечение. Лучше выполнять упражнения самолечения лежа, в просоночном состоянии, при ритмическом дыхании. На вдохе – набор энергии, представляя себе втягивание энергии извне, при задержке дыхания энергия в виде облачка концентрируется, например, в солнечном сплетении, а на выдохе расходится по всему телу, особенно в больной орган, где и оседает. Кратность упражнений – 2–6 раз в день. Если имеет место боль, можно представлять, как она исчезает вместе с дыханием. Можно представлять и просто, как с выдохом уходит болезнь.

Самозащита. Биооператор является открытой системой для внешних влияний и очень чувствителен к различным внешним воздействиям. Поэтому неблагоприятные мысли и чувства могут плохо отразиться на его здоровье, он плохо себя чувствует в компании злых людей и т. д. Поэтому важно научиться быстро раскрываться и закрываться от внешних влияний.

Исходя из физических закономерностей циркуляции энергии, рекомендуют замыкать кольца для циркуляции энергии в пределах собственного организма – сцеплять пальцы, смыкать ноги, руки складывать на животе, защищая солнечное сплетение. Можно представить, как после набора энергии часть ее выбрасывается из солнечного сплетения в окружающее пространство и формирует там энергетический защитный кокон. Чем ближе он к телу, тем мощнее защита. Однако, отгораживаясь от внешних явлений, отгораживаются и от принятия энергии, необходимой для нормальной жизнедеятельности человека.. Поэтому это лишь временная мера. Оптимальным является полная открытость, прозрачность для всех воздействий и установка на то, что все плохое сгорает. Ясно, что такая защита требует высоких моральных качеств человека, но зато и очень эффективна и надежна, кроме того, она способствует очищению пространства от отрицательных мыслей и эмоций.

Биоэнергия и биоритмы. Биоритмы являются ничем иным, как отражением влияния на человека космических, планетных и иных внешних и внутренних влияний. Подробно об этом рассматривается вопрос в астрологии. Здесь следует упомянуть, что для каждого органа есть оптимальное время воздействия в течение суток.

Вот примерные значения этого времени:

– максимальная чувствительность органов достигается через 12 часов после их максимальной активности: для печени это 1-3 часа, для легких – 3-5 часов, тонкого кишечника – 5-7 часов, желудка – 7-9 часов, селезенки – 9-11 часов, сердца – 11-13 часов, мочевого пузыря – 15-17 часов,

почек – 13-15 часов, толстого кишечника – 17-19 часов,
желчного пузыря – 19-21 час. Время местное солнечное.

Не бил ^{Иван Козлов} барабан

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почесть к ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила во мраке луна,
И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе –
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Недолго, но жарко молилась творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя,

Быть может, наутро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О, нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой,
И час наступил разлученья;
И с валу ударил перун вестовой,
И нам он не вестник сраженья.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

(1825)

Иван Иванович Козлов (1779-1840) – русский поэт, старший современник Пушкина. Его стихотворение «На погребение английского генерала сира Джона Мура» представляет собой вольный перевод стихотворения ирландского поэта Чарльза Вольфа (1791-1823). Английский генерал Джон Мур сражался с наполеоновскими интервентами в Испании и был убит в районе города Коруньо. Его корпус, теснимый французами и потерявший своего командира, эвакуировался из Испании морем.

★ОБОРОТЕНЬ★

И. Кожевников — И. Ермаков

Силами милиции был уничтожен поуборотень-получеловек, паук, терроризировавший город.

(см. "ПиФ № 11)

Труп как труп, мертвец на все 100%. Сейчас надену перчатки и начну. И чего этот капитан так нервничает?

Ничего себе! Да-а... Здорово они его изрешетили!

Откройте немедленно! Доктор, вы меня слышите? Откройте!

Почему вы так долго не открывали? Мы слышали какой-то стон. Что случилось?

Успокойтесь, капитан, все в порядке. А не открывал потому, что не люблю когда мне мешают.

Он все-таки мертв... Ничего такого не обнаружили?

Нет.

Капитан, может, пока пойдём ко мне, попьём чайку? Кстати, а ваш друг, майор Буганов, жив?

Ребята, надо подождать полковника Свиридова.

Доктор, а откуда вам известно про Буганова и что он ранен?

М-м... Из разговора ваших ребят. Вы закурили, а я попользую кефира...

С Бугановым, слава богу, нормально..

Вызовите "скорую"! Этот толстяк-доктор оказался хлипким малым. На осмотре у него дрожали руки, а сейчас вообще грохнулся в обморок

Привет, Саща! Ну, как ты?

На следующий день Желябов пришел к Буганову в больницу

Здравствуй! Пустяки, небольшие ожоги!

Эх, старина, как я за тебя переживал! Ну, да все в прошлом. Молодец, поправляешься. А я кое-что тебе принес, Саща

Спасибо, Петр. А как паук, мертв? Он ведь обладал сверхъестественными способностями?

Мертвее не бывает. Хирург вынул из него целый килограмм пуль. А труп отдали экспертам и ученым. Ну, ладно, дел по горло. Пей сок, Саня, я пошел.

Спасибо, до свидания

После обеда...

Соку попить в самый раз

Салют, сосед. О, я как раз вовремя! Дай попить, от этих лекарств у меня изжога

А, Степаныч... Я только банку открыл, еще сам попробовать не успел. А ты тут как тут!

Степаныча должны были выписать на следующий день. Его внезапный приступ смутил Буганова, и он позвонил в милицию.

Товарищ майор, вы думаете, что это отравление? Кого-то подозреваете?

Ну нет. Если даже отравление, то не преднамеренное. Я никого не подозреваю. Скорее всего, это несчастный случай.

Хорошо, майор. Но я все-таки заберу банку с собой.

Алло! Майор Буганов? Это полковник Свиридов. В банке сока обнаружен цианистый калий. А подмешал его туда тот же человек, который принес эту

банку тебе. На внутренней и внешней сторонах крышки отпечатки одних и тех же пальцев. А теперь скажи, пожалуйста, зачем твой друг Желябов хотел тебя отравить?

Это какой-то бред, товарищ полковник! Ох, извините! Но я Петра знаю не первый год, да и вы его знаете отлично. Это же порядочный человек, честный работник, наконец, настоящий коммунист! У него нет причин убивать меня!

Ошибка?! Ты думаешь, я поражен меньше твоего? Я сам лично все проверил. Но тем не менее... Есть еще один странный факт. Хирург, резавший паука, был найден мертвым после чаепития с Желябовым. В общем, хватит валяться, приезжай, без тебя не обойтись.

Первым делом Буганов направился к экспертам.

Неожиданный приход Желябова застал полковника Свиридова врасплох.

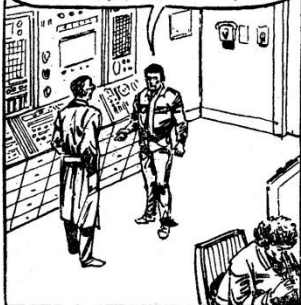
Ну что, полковник, как твоё самочувствие? Сколько еще протянешь, старый хрыч?

Желябов! Как вы смеете! Встаньте как положено!

У чистюли Желябова ногти короткие. Значит, не он задушил врача, тогда кто же? Ведь они были в комнате вдвоем... На час раньше... Ведь у паука длинные ногти. Но неужели он умеет вселяться в людей? Когда врач хотел приступить к анатомированию, паук задушил его и вселился в его тело, а потом из тела врача переселился в тело Желябова, поэтому и мозг у доктора выключился раньше! Надо быстрее бежать к полковнику!

Я хотел бы видеть заключение экспертизы о смерти человека-паука и врача, который его анатомировал. Пожалуйста, побыстрее.

Мы установили, что смерть паука произошла в районе 16 часов, то есть примерно через час после того, как его расстреляла спецгруппа. Удивительная живучесть! Смерть врача наступила около 17 часов в результате удущения. На его шее обнаружены царапины - у убийцы были очень длинные ногти. Но тут парадокс - судя по характеру разложения мозга, смерть врача должна была наступить на час раньше.

В здании его нет. Наверняка уже успел пробраться в гараж.

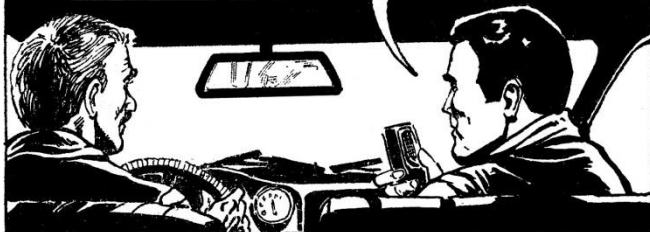
Надо его перехватить!

Оборотень замышлял новое злодеяние...

Он движется по улице Западной. Мобилизованы все силы ГАИ и ВАИ. Кольцо сжимается. Скоро мы его накроем. Ему пришел конец.

Эй вы, скоты! Пусть сюда явится Буганов, иначе я пристрелю его жену!

Майор Буганов! Преступник захватил вашу жену в заложницы!

Сволоочь!

Товарищ генерал! Это майор Буганов. Не надо ни снайперов, ни спецназ. Я выполню требование преступника.

Он пропустил меня в дом. И не стрелял... Опять какой-то подвох!

Ох, Саша, наконец!

Слава богу, ты жива, Ира!

Этот маньяк мучал меня, но он убит, все в прошлом.

Ира! У тебя на шее ссадины!

Рейтар Страха

Всеволод Мартыненко

*Уж лучше умереть во сне,
Сгореть в огне,
Пропасть во тьме,
Чем встретиться с Рейтаром Страха,
Железной тенью на холме.*

МНЕ нравится быть Страхом. Нравятся пустеющие улицы. Жизнь замирает, когда я въезжаю в деревню или город. Кажется, жизнь замирает в поле или лесу, когда мой дорс несется, корежа землю мощными лапами. Сейчас удовольствие от въезда в город мне подпортил старикашка – торговец книгами. Замешкался, не успел исчезнуть при моем появлении. Что же, тем хуже для него.

Подъезжаю к лотку. Дорс идет особым, танцующим шагом, от которого боевые экраны лязгают и гремят сильнее обычного. С удовольствием вытягиваю меч из ножен. Натыкаю на острие пару книжек с лотка. Медленно перелистываю страницы.

Старикашка съезжился. Теперь он ниже брюха дорса, хотя и раньше его глаза были вровень с моим носком сапога. Думает, что так не достану! Ну-ну... Ничто не может от меня укрыться.

И вдруг он срывается с места. Улепетывает вдоль улицы. Медленно, слишком медленно, чтобы его догонять.

Турель пулемета выворачивается из-за седла. Броневая перчатка ложится на рукоять. Рывком опускаю ствол.

Вымпел на его конце бьется о грудные экраны дорса. В прицеле мельтешит бегущая фигурка. До перекрестка ей остается десять шагов.

Коротко лязгает очередь. Успеваю поднять глаза от дисплея прицела, чтобы увидеть, как фигурка разлетается клочьями во все стороны. Опять не смог полюбоваться уносящимися вдоль улицы трассерами.

Странно, почему он побежал? Все книжки на лотке подчиняются Закону: не больше трех слов на картинку. Обычные книжки массового производства.

Впрочем, я и так бы его пристрелил.

...Мы обедали, когда в подвал спустился отец. По привычке Старший начал нашу тройную песенку, вторую строчку пропели все вместе, третью – я, а последнюю – Младший.

Жили-были трое братцев,
Старший, Средний, Младший,
Здесь им было некого бояться –
Здесь, и там, и дальше!

Но лицо отца оставалось озабоченным. И правда, он сказал, что в городе рейтар, и надо спрятаться в трубе или у ратуши. Я никогда не видал его таким, хотя умею читать выражение лица, и никогда он и мама не прощались с нами так.

Днем в городке мы почти не бывали, ведь считается, что мы пропали. Поэтому мы выходим наверх только ночью, а днем живем в подвале. Ночью мы уходим за город, ночью и возвращаемся.

А сейчас город такой же, как и ночью, пустой и тихий. Этот городок начинает мне не нравиться. На всякий слу-

чай разношу лоток, но пулемет за седло не отвожу. Тот, кто бежит, – виноват. Виноват в нарушении Закона. Закона! Но какого Закона?

Есть Закон о книжках, Закон о песенках. Закон о слухах. Закон о мутантах.

От мысли о мутантах привычно напряглось тело. Здесь прячут мутантов и, может быть, не детенышей, а взрослых, сильных мутантов с винтовками и противотанковыми ружьями! Винтовками и ружьями... Заныл правый бок под заплатанным панцирем. Так, так, сосредоточусь. «Мутант отличается от обывателя следующими характеристиками: пропорции тела и лица, разговор, поведение». Говорят, мутанты завораживают одним своим видом. Я в это не верю. Хотя видел вблизи только мертвых мутантов. После облавы на втором поле.

Подъезжаю к ближайшему дому. Дорс срывает лапой ставни с самого большого окна и просовывает в него голову. В комнате семья обывателей, верещит в колыбельке ребенок, он прямо заходится криком. Мать бросается к нему. Я поднимаю бронезаслонку на морде дорса, чтобы они видели его глаза. Все каменеют.

Набор вопросов обычный: «Где ты прячешь книжки? Повтори Закон без запинки! Что ты сказал сегодня? Повтори! Где ты прячешь мутантов?».

В ПЕРЕРЫВАХ между вопросами дорс рычит, включаю фары и легким движением повода поворачиваю морду дорса к колыбельке. Обыватели истошно орут, видя выхваченного из колыбели ребенка.

Наперебой выкладывают, что они никогда никаких мутантов не видели, но вот через три квартала, в доме номер шестнадцать, есть подозрительная семья, у них все дети пропали, а сами они странные, хотя и вполне нормальные, только у отца все лицо в шрамах...

Это все, что мне нужно. Отпускаю повод, позволяя дорсу делать то, что он хочет. Он убирает голову из окна, пластины панциря на затылке ходят взад-вперед, огромный язык обмахивает черные губы. Визг в комнате опять сменился гробовым молчанием.

К дому номер шестнадцать подъезжаю, закрыв все заслонки. Ствол пулемета опущен, и вымпел полощется по ветру, обвивая шею дорса. На вымпеле три тройных креста – трое мутантов получили свое.

За сорванными ставнями во всем доме никого. Перехожу на другую сторону улицы. Развернувшись левым боком, стреляю из курсовой безоткатки в среднее окно. Дом демонстрирует свое содержимое, как разрезанный арбуз. Дорс вскакивает на еще горячие развалины и обнюхивает развороченный пол. Под нагроможденном досок и битой штукатурки что-то шевелится.

Прихватив зубами, дорс вытаскивает на поверхность одно за другим два тела. Женщина меня не интересует – она мертва, обычная, из обывателей, А вот мужчина...

Теперь, когда его одежда превратилась в лохмотья, видно, с какими ухищрениями он скрывал признаки мутанта – длинные ноги, широкую грудную клетку, прямую шею. Для распознавания мутантов существуют особые формулы – их еще называют «Золотым сечением». Пропорции тела мутанта всегда подходят под них. Из-за этого приходится учиться считать.

Лицо чудовища исполосовано шрамами, карикатурно приближающими его к лицу обывателя. Но и под иссеченной кожей высокий и круглый череп скрыть невозможно.

Теперь ясно, городок скрывает мутантов. Эти «пропавшие» дети не кто иные, как мутанты. Осталось выяснить: сколько это – «все пропали». И какого возраста. Нескольких почти взрослых мутантов, пусть даже плохо вооруженных... Это может кончиться плохо. Повыше подняв антенны на шлем-башне, я дал сигнал оповещения. Все рейтары, принявшие его, немедленно снимутся с патрулирования и устрелятся к месту вызова. И если мутанты переиграют меня, то городок исчезнет с лица земли вместе со всеми обитателями.

От самого чудовища ничего добиться не удалось. Бросив на стену собственного дома, я распахал его двумя ударами меча. Не смог передоверить это удовольствие дорсу.

Ничего, все узнаю в соседнем доме.

СИДИМ в старой трубе, проходящей под дорогой. С обеих сторон она завалена щебенкой и заросла травой, но пролезть, если знать где, можно. Главное – не бояться. Все пройдет, кончится. Рейтар уйдет, и мы вернемся к маме и папе. А пока надо вспоминать что-то хорошее. Младший сидит в середине. Мы сжали его слишком сильно, но он и не пикнет.

Вспомнить... Вспомнить походы в Проклятый Город. Какие находили там вещи, уцелевшие от пожаров. Как там интересно жили, в этих Проклятых Городах! У них были книжки, в которых слов и картинок поровну. Странные машинки вроде приемников для песенок, но с записанными

ми песенками и движущимися картинками. И на всех картинках были только такие, как мы. Ни одного обывателя, даже такого хорошего, как мама. Она лучше их всех. И умнее. Обыватели очень злые и глупые, у них узкие, низкие лбы, длинные туловища, сморщенные лица в бугристой, бородавчатой коже.

Похожие на них были только в книжках, где картинок больше, и оказывались вредными и плохими. Я тогда подумал, что до Последних Сражений в Проклятых Городах жили мутанты, и это были их города.

На полях Последних Сражений мы тоже бывали. И как радовалась, когда Старший нашел автомат, а он оказался стреляющим, и несколько патронов еще осталось. И как видели издали рейтара, он был похож на маленькую куклу на черном щенке, и был совсем не страшным...

От щели в развалинах в трубу ворвался отдаленный гром взрыва. Младший внезапно рванулся и выскочил из трубы. Мы замешкались, выбираясь из щели, и он успел убежать далеко. Мы несколько раз догоняли его, но он каждый раз вырывался и опять бежал к дому.

Наконец он притащил нас к нему. Вернее, к тому, что осталось от дома. Я держал Младшего, он бил меня кулаками, пытался кусаться. Но я все равно держал его, пока Старший не вышел из развалин.

Руки его были в крови и грязи от битой штукатурки. А на лицо лучше было не смотреть.

Итак, трое. Все старше двенадцати. И все наверняка здесь – в разбитом подвале. К ночи вылезут и пойдут хоронить своих.

А до ночи надо где-нибудь переждать. Опять это противное ожидание – необходимость неподвижно сидеть и думать. Жаль, что нельзя без этого обойтись. Просто отключиться, оставив только контроль за внешней, ситуацией, я еще не умею. Хотя можно думать о чем-нибудь приятном. Например, мне нравится быть Страхом. Нравится мой дорс – лучшее боевое верховое животное. Он убивает собаку или человека одним ударом лапы, перекусывает шею лошади. Может пройти по любому бездорожью, неся всадника и сотни килограммов его и своей брони. Он создан для меня таким, специально выведен, собрав в себе все качества боевого коня и лагерной овчарки. И я также создан для него, для рукоятей жесткого повода, меча и крупнокалиберного пулемета созданы мои длинные руки. Руки чудовищной силы с цепкими пальцами. И оба мы созданы, чтобы нести Закон. Все Законы, и Закон Страх – в первую очередь. Мы сами – олицетворение Страх. Мне нравится так думать.

К ТАЙНИКУ не подобраться. Рейтар за ратушей, в десятке метров от него. И мы безоружны, если не придумаем чего-нибудь. Старший ругается. Младший беззвучно плачет. А я пытаюсь не плакать и разозлиться, представляя себе, как рейтара пробивают пули, подбрасывает взрыв, как он горит...

А если действительно сжечь? Взять бочку горючего в лавке керосинщика и устроить засаду. Наверняка керосинщик еще два дня не вылезет из своего подвала. Старший брат понимает меня с полуслова, хватаем еще не пришедшего в себя Младшего и бежим по задним дворам к лавке.

Я не люблю керосинщика. Все обыватели похожи на жаб или крыс, а он похож на обеих одновременно больше всех остальных. Керосинщик ходит по домам, будто разносит керосин, и у всех пытается что-нибудь вызнать про них самих или кого-нибудь другого. Он долго разговаривал с отцом: «А скажите-ка, сосед, как вам Закон о книжках?» И отец должен был повторять Закон наизусть и врать, чтобы от него отделаться. А однажды керосинщик хотел залезть в подвал, когда там были мы. Отец притворился пьяным и валялся на полу, закрывая крышку люка.

Нам повезло. На джипе стояло несколько бочек. Одну из них мы покатали к себе, а в остальных я пробил дырки. Керосин, журча, потек с машины в пыль, сначала сворачиваясь в шарики, потом – мутной струей. Уклон был в сторону лавки. Керосинщику предстоит немало веселых часов, пока все содержимое бочек не перетечет ему в подвал. Сунуться наверх он не посмеет. Боится рейтаров, хотя сам однажды навел их на город, опустив донос в придорожный ящик.

Мне нравится быть Страхом. Закон Страха – высший из Законов. Исполняя любой из них, прежде всего внушай страх. Страх должен расплавлять и испарять любые мысли, любые попытки к сопротивлению. Для этого надо убивать, калечить, уничтожать без меры. И без вины. За малейшую провинность убивать, но еще больше убивать без причины, вызывая ужас бессмысленностью и изощренностью террора. Каждый должен жить, постоянно ощущая над собой мою тень. Железную тень Страха. Мне нравится так думать.

Небо над городом чернело. Наступает время мутантов. Дорс встал и потянулся. Теперь ни один броневой экран, ни одна пластина панциря не брякнули. Скоро начнется охота.

Неизвестно, чем вооружена дичь. Неподалеку от городка одно из полей Последних Сражений. И там можно откопать такое... Что там пулемет и безоткатная пушка.

Так, мутанты однажды собрали танк. Их удалось уничтожить только на второй день, и всех живых получили дорсы. А говорят, что в Последних Сражениях были лучевые самоходки...

В любом случае, мутантов надо выманить из норы. Бесшумно подъезжаю к ратуше. Живое тепло, которое фиксируется только ночью, отсутствует. Обыватели не топят печей и не включают лампы. Страх. Их дома темны и холодны.

Придется подбираться поближе к логову мутантов.

...Дерево нас очень выручило. Веревку привязали к выдающейся над улицей ветке, а бочку поставили в нижней развилке, в полуметре над землей. Все перемазались в масле, провоняли керосином, часть которого пришлось отлить, – бочка была слишком тяжела для нас.

Теперь надо решить, как заманить рейтара в эту ловушку. Столкнуть бочку могу только я или Старший. Младший будет поджигать. Старший достал подаренную отцом зажигалку и отдал ему. Отец говорил, что зажигалку сделали еще до Последних Сражений.

Стоп. Если он отдает зажигалку, значит... Заманивать рейтара пойдет тоже он! Младший этого еще не понимает,

он горд оказанным доверием и восхищенно вертит металлический корпус в руках.

А между нами идет молчаливый спор. Но я не выдерживаю и опускаю глаза. Когда я их поднимаю, Старшего с нами уже нет. И приходится объяснять и доказывать Младшему то, что не могу доказать и простить себе самому.

Дорс настороженно кружится на месте, вынюхивая следы мутантов. И вдруг в стороне мелькает светлое пятно. Послушный поводу, дорс замирает, нацелившись на слабо светящийся силуэт. Турель занимает боевое положение, вымпел подвязан и не шуршит.

Можно стрелять. Но любопытство подталкивает сначала взглянуть на живого мутанта. Включаю все фары. Дорс коротко переступает короткими лапами, и конус света захватывает из темноты фигуру чудовища.

Все, что о них говорили, – правда. Вид мутанта завораживает. Пропорции, кожа, движения... Завораживает настолько, что хочется смотреть и смотреть, не отрываясь. Что-то поворачивается внутри.

Боковым зрением замечаю вспыхнувший на мгновение язычок пламени и медленно летящую ко мне огненную точку.

Дорс одним скачком отлетает на полдюжины метров, но я успеваю автоматически нажать на гашетку, и мутант падает, разнесенный короткой очередью.

В том месте, где я стоял, о развалины разбивается подвешенная на веревке, бочка. Она мгновенно превращается в шар огня. Дорс танцует, сбивая с лап пламя, растекший-

ся керосин пылает, поглощая остатки мутанта и его дома.

В глазах калейдоскопом светлые пятна, словно армия мутантов пляшет вокруг меня. Поливаю непрерывной очередью, без разбора, со спины крутящегося зверя. Сейчас я как на ладони. Освещен взбесившимся пламенем и если у них противотанковое оружие или гранатомет, подбить меня проще простого.

Видимо, ничего такого у них нет, но отступить все равно придется. Надо осмотреть лапы дорса, не повреждены ли они огнем.

ПРОМАХНУЛИСЬ. Зверь отскочил слишком быстро, и бочка пропала зря. Как я могу об этом думать, когда только что погиб Старший. Уже никогда больше не будет звучать наша смешная тройная песенка: некому ее начать, и никто ее не будет слушать так, как слушали папа с мамой.

О чем только не думаешь, уткнувшись носом в землю, под очередью крупнокалиберного пулемета. Страшное и мерзкое чувство, когда в тебя стреляют. Даже, когда палят беспорядочно, срывая злобу.

Кажется, бесконечно длится этот кошмар с ревушим в развалинах огнем, грохотом очередей и леденящим визгом пуль. Внезапно остался только шум огня; зверь и его всадник исчезли. Видимо, дорс перескочил на соседнюю улицу через низкие крыши домов.

Медленно поднимаю голову, чувствуя, как щекочет лицо налипшая кирпичная крошка. Оглядываюсь в поисках Младшего и вижу...

То, что остается от человека после попадания такой

пули, всегда страшно. А от попадания в двенадцатилетнего мальчишку... В нем уже ничего нет от Младшего. Каким-то безотчетным порывом я хватаю это и, подтащив к развалинам, зашвыриваю подальше в огонь. Потом только понимаю, что поступил правильно. Пусть будет вместе со всеми.

Теперь от нашей песенки остались только мои, средние слова. И совсем не осталось смысла. «...Им было некого бояться...»

Прилипший к лицу сор смывают слезы. Но смысл появился. Появилась и цель, и путь ее осуществления. Рейтар ушел от ратуши, и теперь можно подобраться к тайнику. Там автомат Старшего. В нем целых четыре патрона. И еще сам есть минометная мина. Совсем маленькая, в два кулака и очень тяжелая. Если ее хорошо бросить...

Перед глазами возник опрокинутый и разорванный дорс, придавивший громоздкую фигуру. И тогда подойти, и все четыре пули – под забрало, в морду зверю, похожему на человека.

Лапы у дорса в порядке, не сторела даже жесткая, черная шерсть. Все-таки дорс великолепен. Он – символ Страха, несущий его даже больше, чем я сам. Рейтары, конечно, могли бы ездить на каких-нибудь машинах, грохочущих и ревущих, но нам даны дорсы – черные призраки Страха. Полуразумные, безукоризненно хищные и кровожадные, но и покорные всадникам, сливающимся с ними... От кого они произошли? Не могу себе представить маленького дорса. Точно так же, как не могу представить, каких щенков произвели бы на свет обывательские девки,

если бы хоть одна из них осталась жива после ночи со мной. Откуда взялся я сам? Становясь рейтаром, теряешь прошлое. Да и ни к чему оно. Страх, Закон, – чего еще? Больше ничего и не надо. Мне нравится так думать.

Теперь надо готовиться к новому раунду схватки. Мутантов осталось двое, если я не пришиб кого-нибудь из тех, кто пускал бочку. И они пойдут за мной. Мутанты попались не из трусливых. Хорошо, что у них нет оружия, – иначе зачем эта выдумка с бочкой?

До рассвета еще несколько часов. Если до утра мы не встретимся, то днем я переверну весь город в одиночку. Или с теми рейтарами, кто успеет на мой зов. Выгоню обывателей из домов и раскопаю все до подвалов. Надо только переждать рассвет. На рассвете я уже плохо вижу тепло, а туман мешает смотреть по-дневному.

Фары включать после ночного нападения больше не хочется.

...Все. Больше не будет долгих разговоров в подвале, рассказов отца, тихой возни на войлочном коврике со

Старшим и Младшим. Не будет ласковых рук и слов матери.

Не будет увлекательных и опасных походов в Проклятые Города, не будет надежды на то, что все переменится, и рейтары исчезнут, как в старой сказке. А обыватели превратятся в мутантов. То есть в нормальных людей, какими они были до Последних Сражений.

Исчезли мы, наш маленький мирок, забравшийся в подвал от большого и злого мира. Остался лишь пепел.

Нет. Еще остался я. И автомат Старшего, и минометная мина. И... «некого бояться». Уничтожить ненавистного железного призрака.

Надо передернуть затвор и отвинтить колпачок взрывателя мины. Приближается рассвет, и, пока туман не рассеялся, в полумраке легче подобраться к рейтару...

МАРЧИН ВОЛЬСКИЙ

АВТОРСКИЙ ВАРИАНТ

ДЕВУШКА в джинсах вышла почти на середину, не переставая махать рукой.
«Красивая, – подумал Мартин, огибая ее по широкой дуге. – Очень красивая!»

У нее были стройные ноги, металлически блестящие волосы и смешное, полудетское личико. При других обстоятельствах он взял бы ее с машину, но сейчас не мог. Нужно было действовать по инструкции.

Лес кончился, точнее, появилась обширная поляна с видневшимся вдали павильоном мотеля. Кроме пары зда-

ний, горизонт со всех сторон закрывал лес, полный влаги, птиц и желтеющих листьев. Перед мотелем виднелось низкое здание автомобильной мастерской, увешанное рекламами Датсуна, Форда и Фольксвагена. Путешественник подъехал к нему. Навстречу вышел механик – рыжий бычок с красным лицом довольного собой идиота.

– Авария? – усмехнулся он, постукивая пальцами по кузову автомобиля.

Мартин кивнул. Левая сторона машины смотрелась от-вратительно: смятое крыло, поврежденная дверь, разбитые фары. Как бы удивился этот механик, если бы видел, как час назад хозяин машины, Мартин Волонтер, сам методиче-ски калечил ее о бетонный столб. Остановка в мотеле должна выглядеть предельно естественно.

– Долго это продлится? – спросил Мартин.

Рыжий пожал плечами, но после пары банкнотов весе-ло хлопнул по капоту.

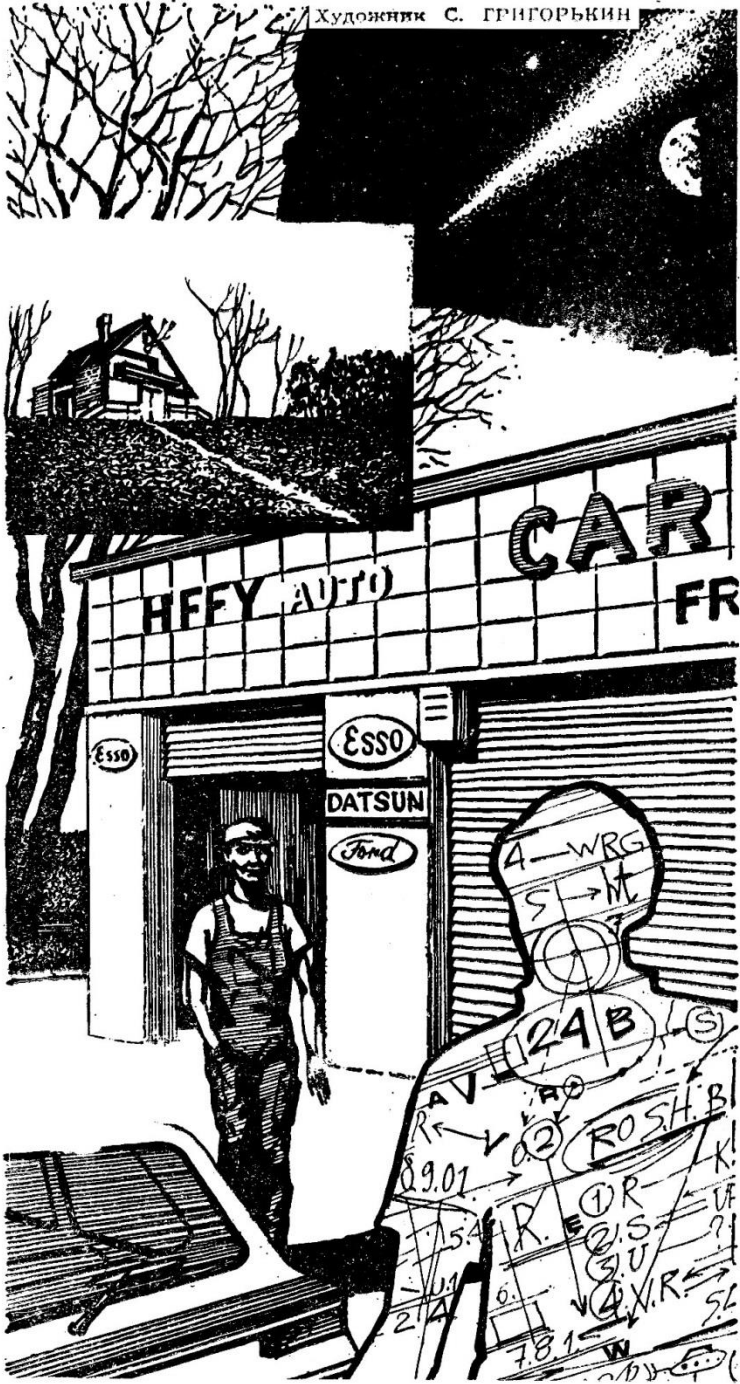
– Завтра к полудню будет, как новая.

Клиент нахмурился,

– Хм... Ну, ладно. А чем посоветуете мне пока занять-ся! Кажется, до ближайшего города пятьдесят миль.

– Шестьдесят. Но рядом есть мотель, довольно при-личный и в это время года почти пустой.

Волонтер вздохнул, отдал механику ключи и напра-вился к белой лестнице. Он шел медленно, как человек, выбитый из привычного ритма жизни. Мимо прошла де-вушка в джинсах. Бедняга, ей пришлось пройти полмили пешком. Он улыбнулся ей, но она, никак не отреагировав, свернула в бар. Вообще-те, можно было ее подбросить. Он взял у портье ключ от комнаты, но ограничился тем, что занес туда портфель.

– Пойду прогуляюсь, – сказал он портье, хотя тот ни о чем не спрашивал, удовлетворившись записью в книге: «Майкл Вернон из Монреаля».

Озеро находилось в четырехстах метрах от отеля. Идя по берегу и припоминая ориентиры, данные ему накануне, он дошел до свежесрубленной ольхи и, сняв предварительно ботинки и брюки, вошел в камыши. Вода была теплее, чем он ожидал. Он без труда нашел лодку, стоявшую именно там, где, по договоренности, она и должна была находиться. Осторожно гребя веслами, переплыл на другую сторону пролива, окруженного диким лесом, и причалил у заброшенного, почти не выступающего из камышей помоста. Отсюда заросшая тропа привела его к старой избушке. По дороге он несколько раз оглядывался, но никто за ним не следил.

– Bravo, какая точность, – сказал, глядя на часы, худощавый мужчина с короткими темными волосами и усами, напоминающими прилепленный под носом клочок шерсти. Он не походил на лесничего, несмотря на то, что внутри избушка была полна скрещенных двустволок, рогов и охотничьих гравюр. Он еще раз взглянул на представительную фигуру пришельца и спросил тише:

– Мартин Волонтер, конечно?

– Меня зовут Майкл Вернон, я отправился на прогулку и думал...

– Ладно, ладно, – усмехнулся темноволосый. – Я майор Омикрон из Специальной Группы... Кроме того, кто же не знает мастера Волонтера? Еще в школе я зачитывался вашими рассказами. Меня всегда интересовало, откуда вы берете идеи? А «Третью Планету» я знаю почти наизусть.

«Седой Глор одним прыжком оказался у пневмолета...» – процитировал он.

Писатель пожал плечами. Он прибыл сюда не на авторский вечер. Собственно говоря, он даже не знал, зачем его вызвали. Человек, представившийся как профессор Моррис, навестил его вчера перед полуночью и предложил сказочный гонорар за участие в серьезном эксперименте. В качестве гарантии этой серьезности он просил полного соблюдения тайны.

– Понимаю, вы хотели бы сразу приступить к делу, – сказал Омикрон. – Тогда идемте.

Он открыл двустворчатую дверь дубового шкафа. Писатель остолбенел – внутри их ждала кабина современного лифта.

– Изобретательно, правда? – Офицер пропустил гостя вперед и нажал одну из двадцати кнопок на панели пульта. – Совсем как в «Гроте сирен», мы скопировали наш центр с вашего рассказа, – признался он. – Но, по крайней мере, здесь мы можем быть уверены, что нам ничто не мешает.

Лифт остановился на пятом уровне. Хозяин и гость вошли в небольшое помещение, где у стены стоял охранник с автоматом, а чуть дальше, над столом склонялся профессор Моррис (конечно, если это было настоящее имя). Дверь автоматически закрылась.

– Сразу приступим к делу, – поздоровавшись, сказал профессор. В глубине комнаты вспыхнул экран видео.

С экрана шумел осенний лес, увязший в непроходимых болотах. Группа геологов, привлеченная повышенным

уровнем радиоактивности грунта, работала с удвоенной энергией.

Черно-белые кадры подали крупным планом несколько палаток, сарай со снаряжением, наконец, сам раскоп. Искомый объект лежал неглубоко, и все указывало на то, что скорее он был затоплен в болоте, чем рухнул в него сам... По ходу фильма профессор Моррис давал пояснения, его аскетичное лицо выражало неподдельное возбуждение.

Космическое блюдо выглядело в точности так, как в стандартных рассказиках «очевидцев». Сделано оно было из какого-то особенного сплава, не уничтожаемого никакими известными методами. Может, поэтому пассажиры не уничтожили корабль, а ограничились его затоплением. А пассажиры были – корабль был найден открытым.

В отличие от тунгусского метеорита, появление этого космического дива не сопровождалось ни взрывами, ни катаклизмами, не считая некоторого количества мертвых рыб в местных водах. Была установлена и дата. Затопление произошло девятнадцать с половиной лет назад. Тогдашние записи астрономов о маленькой светящейся точке, довольно быстро приближающейся к Земле. Ее сочли метеоритом, и неожиданно уже совсем рядом с Землей потеряли из виду. Было решено, что объект сгорел в верхних слоях атмосферы. Самое интересное, что тарелку не засек ни один радар. Только сейчас, глядя с перспективы лет, посадку корабля можно было связать с таинственным исчезновением трех военных самолетов, которые, совершая обычный полет над Арктикой, вошли 2 ноября в сферу облаков, после чего связь прорвалась. Последними словами одного пилота были: «Спустишь пониже, это интересно». С

тех пор никто не видел ни самолетов, ни девяти военно-служащих, составляющих их экипажи.

Однако профессор Моррис нашел внутри космического корабля небольшой плоский ключ от банковского сейфа, принадлежавший Джону Кабинди, бортстрелку одного из самолетов.

Профессор Моррис указал и еще на один факт, зарегистрированный прессой и оставшийся впоследствии без внимания. Старый браконьер, Одноглазый Сэм, рассказывал за бутылкой, что в ночь со 2-го на 3-е ноября видел группу из десяти мужчин в белых комбинезонах, направляющихся под дождем в сторону единственного в округе шоссе. Рассказ Сэма отправили в архив и забыли о нем. Однако, когда профессор Моррис откопал эту историю и, пытаясь найти очевидца, добрался до жилища браконьера, то узнал об интересном стечении обстоятельств. Одноглазый Сэм умер накануне, упав в пьяном виде с моста. Мертв был и водитель трансконтинентального грузовика, который 3-го ноября проезжал через эту негостеприимную местность. Его машина перевернулась на крутом повороте и сгорела.

Тут профессор умолк и заговорил Омикрон. Он сказал, что процедура раскопок тарелки проходила в атмосфере понятной таинственности, причем на первых порах допускалось и земное происхождение объекта. Детальный осмотр корабля показал, что пассажиров было девять, и размером они были не больше кулака взрослого мужчины... Все они исчезли без следа. Изучение тарелки, всей окружающей местности привело к тому, что возникла возможность пролить свет на судьбу пропавших самолете-

тов. Космиты (так называли непрошенных гостей), по всей видимости, нашли способ посадить самолеты, в шести милях от тарелки находился аэродром, которым пользовались со второй мировой войны), затем... Что ж, можно было фантазировать, реально ли существование симбиоза землянина и пришельца со звезд, размещенного внутри человека, как червяк в яблоке. Моррис полагал, что да. Имелось даже место для размещения паразита – полость после удаления одного легкого. Отсюда нервная система наездника распространялась на весь организм носителя, успешно контролируя головной мозг и позвоночник человека. Однако была ли операция проведена уже 2 ноября, или же загипнотизированные солдаты добрались сначала со своими пассажирами (неся их, скажем, в рюкзаках) до цивилизованных центров, установить было трудно.

Что касается самолетов, то их, наверное, просто сожгли или же уничтожили неизвестным способом на заброшенном аэродроме, так что не осталось и следов.

– Таким образом, – закончил майор Омикрон, с некоторым удовлетворением глядя на ошеломленного Волонтера, – уже почти двадцать лет космиты находятся среди нас. Что скажет на это уважаемый автор «Солнечной стороны планеты»?

ПРОФЕССОР Моррис был человеком разумным. Свои рассуждения он держал при себе, предоставив комиссии лишь очевидные факты. Разумеется, он составил детальный рапорт и в подходящий момент собирался передать его кому следует. Но внезапно начали

твориться странные вещи. Высшим распоряжением группа была отозвана, и находкой занялась Особая Группа. Все это туманно объяснялось соображениями безопасности. Однако Моррис был еще человеком упрямым, он добрался до министра и предложил ему свой рапорт. Оказалось, что министр ничего не знал о блокировании акции, всеми делами занимался его заместитель (назовем его полковником), честолюбивый сорокашестилетний офицер латиноамериканского происхождения. Моррис поделился с министром своими опасениями. Министр весело успокоил его, обещал все выяснить и предложил встретиться завтра. Покидая правительственное здание, профессор чувствовал непонятное беспокойство. И правильно.

В ту же ночь министр умер в своей резиденции от инфаркта. В наше нервное время это случается даже с людьми, считающимися образцами здоровья. Обязанности шефа принял на себя полковник.

Иногда жизнь человеку спасают неудачи. Кто мог предполагать, что машина профессора Морриса выйдет из строя на оживленной улице и что ученый решит идти домой пешком, во время прогулки подвернет ногу и, встреченный одним из своих учеников, будет отвезен к знакомому ортопеду? И разве может быть большее стечение обстоятельств, чем то, что брат профессора, Фред, захочет в этот день его навестить? Не дозвонившись у двери, он вынет ключ из-под коврика и, беззаботно куря сигарету, войдет вовнутрь... А там кто-то не закрыл газ. Фред почувствует запах, но будет уже слишком поздно... Грохот, дождь падающего стекла...

После визита к ортопеду профессор засиделся у своего ученика. Утром он узнал одновременно о смерти своего брата и министра. Впрочем, газеты сообщили, что погиб он сам.

Учеником, который протянул ему руку, был эксполитский, экс-ученый, а ныне величина в командовании химических войск майор Омикрон. Именно он и убедил ученого принять вызов космитов.

– Отличный сценарий, верно? – спрашивает Омикрон.

Лицо Волонтера серьезно.

– Почему вы рассказываете мне все это? – спрашивает он наконец.

– Потому что в свете имеющихся данных можно утверждать, что девятка пришельцев из другой системы не без причин оказалась на Земле, и не шутки ради они заняли тела пилотов, а в чьих-то находятся сейчас, и вообще, неясно...

– Значит...

– Значит, это была не разведывательная, а, может, и диверсионная группа. Группа, которая должна приготовить планету для вторжения.

– Вторжения?! – Волонтер вскакивает.

– Да, ровно через двадцать лет.

– Но это только гипотеза?

– Увы, нет. Астрономические обсерватории сообщают о рое светящихся точек, с огромной скоростью движущихся в нашу сторону. Много говорит о том, что к началу ноября корабли чужаков окажутся вблизи Земли. Мы знаем, что они значительно превосходят нас – они биологически бессмертны и беспринципны, а, кроме того, имеют

огромные возможности воздействия на человеческую психику.

– Наше положение ухудшает факт присутствия среди землян тех девяти... Впрочем, кто знает, не было ли еще одного корабля, а значит, и еще одной группы агентов, угнездившихся в нас. При их возможностях носителем может быть любой. Каждый, у кого вместо одного легкого – чудовище, управляющее действиями человека-робота. И, черт возьми, эти носители наверняка не простые поедатели хлеба.

– Догадываюсь, – бормочет Волонтер. – Двадцать лет – это много. Надеюсь, что вам удалось кого-нибудь расшифровать?

– Это очень сложно, – говорит Омикрон. – Нам приходится действовать в одиночку: моя группа людей, профессор, пара друзей. Ведь даже полковник-министр...

– Это я понял. А кто еще?

– Мы обречены на предположения. Можем только гадать, какое место заняли бы сами, если бы нам пришлось участвовать в разведке на чужой планете. Подозреваемых десятки, может, сотни.. Штаб Воздушной Обороны, ракетные войска, НАСА, разведка, средства информации... Дело в том, что мы не можем так просто проверить этих людей рентгеном. Не можем допустить, чтобы пришельцы догадались, что мы идем по их следам... Отсюда наши центры, локализованные в этих бункерах, отсюда ограниченные средства, необходимость фальшивой информации о наших «исследованиях».

– Верны ли подозрения против полковника? – спрашивает Мартин. – Смерть министра могла быть только случайным совпадением.

– Пару лет назад произошел интересный случай. Полковник, тогда еще майор, участвовал в облаве на гангстеров. Я тоже был с ним и собственными глазами видел, как пуля попала ему в лоб.

– И не убила?

– Даже не поцарапала. Она срикошетила и ранила одного из полицейских...

– Я еще раньше пришел к выводу, – вставляет Моррис, – что чужие, сами бессмертные, позаботились о своих человеческих «скафандрах». Они покрыли их слоем невидимого вещества. Носителей нельзя убить или ранить. Вероятно, исключение составляют руки – их слишком часто надо подавать.

– Значит, медицинский осмотр смог бы... – оживляется Волонтер.

– Вероятно, да. Но как его провести, особенно вспомнив, что осталась всего неделя, а подозрения касаются в основном людей высокопоставленных?

Воцаряется тишина. Откуда-то из глубины бункера доходит непрерывная вибрация работающих машин.

– Зачем вы пригласили меня сюда? – спрашивает Мартин.

– Мы в таком положении, что ни традиционная наука, ни традиционный сыск помочь не в силах. Может, поможет фантазия. Вы известны как гейзер идей, – говорит Омикрон.

– Но только книжных.

– А чем наше дело отличается от книги? Мы хотим, чтобы вы думали, фантазировали. Предложили тысячу и один невероятный проект... Разумеется, не даром.

– А если я ничего не придумаю?

– Тогда мы используем что-нибудь примитивное. Мои люди рвутся в дело, чтобы в качестве террористов испытать прочность «скафандров» некоторых лиц.

В голосе офицера звучит решимость. Волонтер верит, что Омикрон готов на все.

– Сколько у меня времени? – сухо спрашивает он.

– Скажем, 48 часов. Мы доставим вам в мотель компьютер и банк идей, которые до сих пор возникали.

– Только двое суток?

– Послезавтра здесь состоится совещание нашего штаба. Мы должны будем принять решение и начать действовать.

– В таком случае могу я получить информацию обо всех подозреваемых?

– Послезавтра, – усмехается Омикрон. – Сейчас нас интересуют теоретические выкладки. Если хотите, здесь у меня досье министра. Ничего интересного, кроме того, что в возрасте 27 лет он попал в автокатастрофу.

– Значит, тогда он не был еще покрыт «скафандром»?

– Видимо, не был. После катастрофы у него остался большой шрам на спине, как раз за правым легким... Однажды на маневрах он снимал рубашку, и кто-то его заснял... Думаю, эта катастрофа и есть результат вселения космитов...

СОХРАНЯЯ видимость крайне занятого человека, оторванного от своих дел поломкой автомобиля, Мартин пожаловался портье на затягивающийся ремонт, который, вероятно, продлит его прожи-

вание на целые сутки. У бара, проходя мимо девушки в джинсах, тянувшей через соломинку какую-то малиновую жидкость, он слегка поклонился. Ответом был оскал ослепительно белых зубов. Похоже, девушка улыбнулась ему.

Комната находилась на втором этаже. Красные портьеры гармонировали со светлым тоном новых обоев. Мартин Волонтер взялся за дело. Он исписывал лист за листом, иногда рисовал и консультировался с компьютером, который безошибочно отвечал, какую идею использовал Станислав Лем в 61-м, а Курт Воннегут – в 74-м году. Погруженный в свои мысли, он даже не заметил, как открылась дверь (а надо сказать, что он закрыл ее изнутри). Пушистый ковер заглушил шаги. Мартин встрепнулся только когда почувствовал, как его затылка коснулась чья-то теплая ладонь.

– Это я, – сказала несостоявшаяся дорожная попутчица. На этот раз на ней было просторное кимоно. – Мне показалось, что вы особенно одиноки в такую ночь.

– Я работаю, – резко ответил он, невольно вглядываясь в изгибы, которые полупрозрачный пеньюар скорее подчеркивал, чем закрывал. Теперь девушка казалась ему гораздо старше, нежели тогда, на дороге. – Кто вас сюда прислал?

– Меня зовут Юлия, – шепотом сказала девушка.

– Майкл, – буркнул он.

– Это вы, пожалуйста, оставьте, мастер Волонтер, – рассмеялась она. – Будем откровенны. Я – лейтенант Дельта. Знаю, знаю, что выгляжу скорее, как маркитантка, но в действительности вхожу в штаб майора Омикрона. Я должна охранять вас и оказывать любую возможную помощь. Любую, – подчеркнула она.

Он на мгновение задумался: не ловушка ли это?

– Чтобы завоевать ваше доверие, могу описать внутренний вид бункера под избушкой лесника или хватит того, что пойду приму ванну?

Видя его удивление, она добавила: – Я не превращаю секс в таинство или предмет долгих переговоров, а иду в постель с кем хочу и когда хочу.

Он покраснел.

– Мне осталось 38 часов, Юлия, и каждая минута дорога. Закончив с космитами, я охотно займусь делами земными.

– Вот это творческий характер! Не зря вас называют титаном работы и гигантом воздержания. Вы ведь не женаты?

– Нет.

– А позвольте сделать вам кофе?

– Конечно.

У нее было еще много времени, чтобы удивляться его выдержке и твердости. Он не сомкнул глаз, выпил 35 чашек кофе, выкурил лес «Мальборо» и исписал две стопы бумаги. Не отказываясь от роли хозяйки, Юлия поспала раза четыре, для разрядки обежала несколько раз мотель, выпила несколько рюмок. На вторую ночь, уже под утро, когда сон ее был легок, Мартин вдруг встал от столика, пару раз обошел комнату, глядя на спящую, потом сел рядом с ней. Она почувствовала, как ладонь писателя медленно движется по ее голым плечам, груди. Обняв, она притянула его к себе. Коснувшись губами ее губ, он встал.

– Не сейчас! Я должен записать еще одну идею.

Светало. Верхушки деревьев появлялись из темноты.

В полдень закончился сорок восьмой час работы. Мартин собрал бумаги. Выводы он подчеркивал красным фломастером. Юлия заглядывала ему через плечо, но мало что смогла понять в путанице сокращений, стрелок и названий.

– Что-то есть? – спросила она.

– Хватило бы на библиотеку. Пойдешь со мной на базу?

– Конечно.

Они двинулись в сторону озера. Из-за облаков выглянуло солнце, однако было довольно холодно. Волонтер, видимо, довольный результатами, насвистывал, что-то себе под нос и то и дело прижимал девушку к себе.

– Догадываюсь, что у вас есть какой-то любимый вариант.

– Пожалуй, да.

– А можете сказать?

– Теперь могу.

– Так...

– Вариант номер 24-б. Я назвал бы его ловушкой. Зная, что полковник является космитом, нужно подвергнуть его осторожной слежке, а затем сообщить ему самому об акции Омикрона. Вероятно, телепатические способности используются на полную силу, только когда они объединяют их, вот тут-то, по направлению волн, и можно запеленговать всех космитов.

Он замолчал, вглядываясь а небо. И заметил. Маленькую черточку над горизонтом.

– Ложись!

Она повиновалась. Белая полоса пересекла небо, обо-

рвавшись на той стороне озера. Оглушающий грохот дошел до них с небольшим опозданием, одновременно с возникновением дымно-огненного столба. Земля задрожала, воздушная волна вышибла стекла в мотеле.

– Что это? – крикнула она.

– Кажется, нас раскрыли... Подожди!

По тропе, ведущей вокруг озера, Юлия помчалась туда, где должна была находиться старая избушка. Но зачем? От нее не осталось и следа! При точном ударе не могли уцелеть даже самые нижние уровни бункера. Волонтер побежал за девушкой. Тропа изгибалась то влево, то вправо... И вдруг...

Земля расступилась у него под ногами. Мартин кувыркнулся и приземлился на дне глубокой ямы с крутыми стенками.

Он выругался.

Сверху показались лица Омикрона, Морриса и Юлии.

– Вариант 24-б – ловушка, – сказала лейтенант Дельта.
– Ведите себя спокойно, Майкл, Мартин, или как там вас зовут в вашей галактике.

Он молчал, а мозг его лихорадочно работал.

– Вы совсем, как люди. Наивность и излишняя самонадеянность погубили вас. Ваша ракета ударила в имитацию бункера... – сказал профессор, – а мы раскрыли все ваши контакты.

– Контакты? Вы ошиблись, принимая меня за кого-то другого. Юлия была со мной все это время и знает, что я ни с кем не связывался.

– Еще одна ошибка. Вы не поняли, что комната была одним большим детектором, настроенным на регистрацию всех излучений вашего организма. Делая вид, что думаете,

вы передавали сигналы. Мы установили волну биологической связи и нашли всех ваших друзей. Всех восемнадцать, потому что было все-таки две посадки.

– Это ничего вам не даст, мы бессмертны! – крикнул писатель.

– А это вопрос для технологической дискуссии, – ответил Омикрон.

Раздался странный звук: то ли рев, то ли плеск, и над краем ямы появились вибрирующие пасти бетономешалок. Потoki серой массы потекли вниз. Писателя охватил ужас.

– Вы хотите залить меня этим?

– Да, как муху в янтаре. Правда, живого. Навсегда, конечно, если вы сможете обходиться, без пищи.

– Вас уничтожат!!!

– Попробуйте связаться с приятелями! Они в подобном положении. И министр, и парламентарии, и даже генеральный прокурор!

Внезапно по земному телу космита прошла волна возбуждения, переходящего в принудительную инертность.

– Телепатическое оружие? – рассмеялся профессор Моррис. – Это ничего не даст! Бетономешалки запрограммированы так, что никто из нас не может их выключить...

Впрочем, страх уже овладел мозгом Волонтера, и телепатическое воздействие иссякло.

Волонтер, стоя по пояс в жидком цементе, попробовал взбираться по стене ямы, но безуспешно – песок осыпался у него под руками.

– Остановите бетонирование! Вы не имеете права запырять меня в этой яме навсегда!

Жидкая масса дошла ему до груди. Крича что-то непонятное (впрочем, может, это был его родной язык), он разорвал куртку и рубашку, и смотревшие сверху увидели на его груди шрам. Потом Юлии показалось, что шрам лопается, и из раны высовывается зеленый отросток, но в этот момент серая волна цемента захлестнула автора с головой. Еще какое-то время под поверхностью было заметно движение...

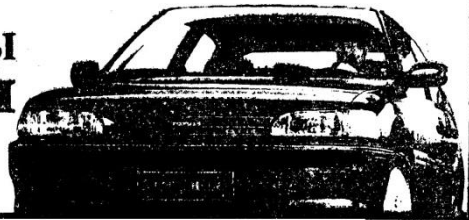
Бетономешалки размеренно гудели.

Мы оставляем журналистам описание того, что произошло после самовольной акции майора Омикрона, который, по собственной инициативе, разными остроумными методами вывел из игры несколько влиятельных лиц. Скажем только, что вскоре, вместо трибунала, на него и остальных заговорщиков посыпались звания, награды и почести. Между тем астрономические обсерватории сообщили о внезапной остановке светящихся точек, а затем о постепенном их отступлении. Впрочем, международные конфликты, эпидемия холеры в Иране и волна самоубийств в Скандинавии не способствовали принятию во внимание этой астрономической мелочи.

И только краснолицый механик, невольный участник разыгравшейся драмы, который с некоторых пор занялся писанием фантастических романов, рассказывает, что, по крайней мере, раз в году в мотель приезжает изысканно одетая дама, которая с букетом цветов отправляется в лес, где двойные проволочные ограждения под напряжением окружают бетонную пломбу в земле.

Пер. И. НЕВСТРУЕВА.

Роджер Желязны ДЬЯВОЛЬСКИЙ АВТОМОБИЛЬ

МЭРДОК гнал машину по Великой Равнине. Солнце огненным шаром сияло высоко над горизонтом. Преодолевая бесчисленные холмы и понижения Равнины на скорости свыше ста шестидесяти миль в час, он нигде не притормаживал: скрытые глаза Дженни замечали все неровности дороги задолго до того, как он к ним приближался. Курс машины старательно корректировался, и Мэрдок порой даже не ощущал осторожные движения рулевой баранки, слегка поворачивающей в руках.

Свет раскаленной Равнины бил ему в глаза, не спасали затемненные окна и светофильтры. За кормою машины вздымались высокие волны пыли.

– Напрасно ты себя мучишь, – послышался голос из динамика радио. – Почему бы тебе немного не передохнуть? Позволь мне затемнить окна. Приляг, передай управление мне.

– Нет, – ответил он. – Я хочу сам.

– Как угодно, – сказала Дженни. – Я хотела только спросить.

Минуту спустя заиграла музыка, ласковая, успокаивающая.

– Выключи!

– Прости. Я полагала, тебя это отвлечет.

– Когда мне понадобится расслабиться, я сам скажу об этом.

– Хорошо, Сэм. Не сердись.

Музыка смолкла. Тишина, наступившая вслед за этим, показалась угнетающей. Но Дженни была хорошей машиной, и Мэрдок знал об этом. Она всегда заботилась о его благе.

Ее построили такой, чтобы она выглядела как беспечный «седан-свингер» – ярко-желтой, стройной и быстрой. Но под выпуклостью ее капота скрывались ракеты, в углублениях под передними фарами притаились, едва замаскированные, два ствола, поперек шасси были укреплены гранатометы, а в багажнике помещался снабженный распылителем бак легко испаряющегося бензина.

Дженни была специально спроектированной смертоносной машиной.

– На этот раз мы найдем его, Дженни – сказал он. – Я не хотел обижать тебя.

– Все в порядке, Сэм, – ответил ласковый голос. – Я запрограммирована, чтобы понимать тебя.

Они с грохотом мчались через Великую Равнину, солнце катилось на запад. Они искали всю ночь и весь день, и Мэрдок устал. Последний Форт Пищи и Отдыха казался невозможно далеким...

Мэрдок откинулся назад и прикрыл глаза.

Стекла понемногу мутнели, пока не сделались непрозрачно матовыми. Пояс безопасности передвинулся выше, отстраняя его от руля. Затем спинка кресла плавно опустилась, и Мэрдок оказался в горизонтальном положении. Позже, с приходом ночи, включился обогрев.

Около пяти утра его разбудило подрагивание кресла.

– Проснись, Сэм! Двадцать минут назад передали сообщение. Поблизости произошло нападение машин. Я немного изменила направление.

– Почему сразу не разбудила меня?

– Сон необходим для тебя, впереди трудный день.

– Ладно. Расскажи о нападении.

– Передали с патрульного вертолета. Дикае машины, количество неизвестно, устроили засаду, в которую угостили шесть автомобилей, шедших на запад. Они все разобраны, баки опустошены, мозговые системы выведены из строя. Пассажиры, вероятно, убиты.

– Далеко еще?

– Минут пять езды.

В полумраке уходящей ночи гора изуродованных машин была видна издалека и производила тяжелое впечатление. Не доезжая футов двести до свалки, Дженни остановилась. «Все правильно, – подумал Мэрдок, – важно не истоптать следы».

Он выбрался из машины и сказал:

– Обьедь вокруг, Дженни, посмотри, куда они направились. Тут я управлюсь сам.

ДЖЕННИ укатила. Мэрдок зажег карманный фонарик и направился к уничтоженным машинам. За рулем первого автомобиля сидел мертвый мужчина. Скорее всего, у него была сломана шея. Разбитые часы у него на руке показывали 2.24. Время нападения. Минут сорок – час на нападение и грабеж. Сейчас пять. Еще полтора часа – за это время они не могли далеко

уйти. Примерно в сорока футах дальше лежали трое – две женщины и молодой мужчина. Этих сбили, когда они попытались выскочить из своих, подвергнувшись нападению автомобилей.

Мэрдок прошел дальше. Так и есть. Каждая из шести машин – поставлена на попа. Больше всего пострадали кузова. Кроме того, сняты колеса и наиболее важные части двигателей; бензобаки открыты и пусты, запасных покрывшек с камерами в багажниках нет. Все пассажиры мертвы.

Подъехала Дженни, остановилась около него и распахнула дверцы.

– Много следов, ведущих на северо-запад.

– Едем! Вдогонку!

Около пяти минут они ехали молча, Потом Дженни сказала:

– В этом конвое было восемь машин.

– Я как раз слушаю новости. Похоже, что два автомобиля договорились с дикими на неиспользуемой частоте. Указали расположение конвойных и приняли участие в атаке на остальных.

– А что с пассажирами?

– Возможно, их девитализировали, прежде чем присоединиться к банде.

Мэрдок закурил. Руки его дрожали.

– Дженни, как получается, что машина дичает? – спросил он. – Ведь после бегства она не знает, где в следующий раз получит горючее или запчасти для саморемонта. Так почему же она так поступает?

– Не знаю, Сэм. Я никогда об этом не думала.

– Десять лет назад их главарь, Дьявольский Автомобиль, убил моего брата, напал на него, – сказал Мэрдок. – И с той поры я выслеживаю этот черный «кадиллак». Я искал его с воздуха и искал пешком. Использовал самые разные машины. Возил с собой теплоиндикаторы и ракеты. Даже мины закладывал. Но он всегда был быстрее меня, предусмотрительнее и сильнее. И тогда я приказал создать тебя.

– Я знаю, что ты его очень ненавидишь, и всегда удивлялась, почему, – сказала Дженни.

Мэрдок глубоко затянулся.

– Я распорядился так тебя запрограммировать, оборудовать и вооружить, чтобы ты стала самой сильной, самой быстрой и самой предусмотрительной машиной в мире, Дженни. Ты – Пурпурная Дама, единственная машина, которая может управиться с Кадиллаком и его бандой. В твоём распоряжении клыки и когти, с какими они ещё не встречались. На этот раз мы их настигнем.

– Ты мог бы оставаться дома, Сэм, и поручить эту охоту мне.

– Нет. Я знаю, что ты могла бы все сделать, но я хочу при этом присутствовать. Хочу сам отдавать приказы, нажимая на гашетку, хочу видеть, как Дьявольский Автомобиль превращается в груды дымящегося железа! Сколько машин он уничтожил!

– Я отыщу его для тебя, Сэм.

ОНИ мчались дальше со скоростью двести миль в час.

– Какой у нас запас горючего?

– Ещё много. Я даже не прикасалась к запасным емко-

стям. Не волнуйся. След становится четче, – добавила Дженни.

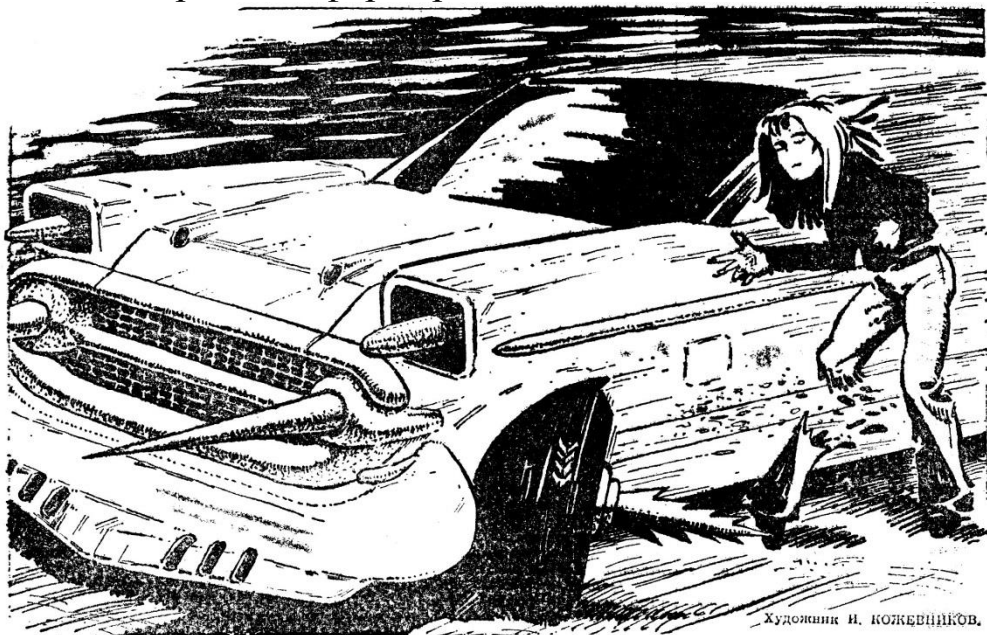
– Отлично. Что с оружием?

– Все взведено. Готово к бою.

Мэрдок погасил сигарету и тут же закурил новую.

– ...Некоторые из них возят в себе мертвецов, удерживаемых поясами безопасности, – сказал он. – Таким образом они маскируются под обычные машины с пассажирами. И Кадиллак всегда так делает и достаточно часто меняет пассажиров. Поддерживает у себя внутри низкую температуру, чтобы их на некоторое время хватало...

– Ты хорошо информирован, Сэм.

– Он обманул моего брата именно такими лжепассажирами и поддельным регистрационным номером. Поэтому брат и открыл перед ним Форт Горючего. И тогда в атаку бросилась вся банда. Дьявольский Автомобиль постоянно

меняет цвета: то перекрашивает себя в красный, то в зеленый, то в голубой или белый, но рано или поздно возвращается к черному. Он не любит желтого или коричневого и комбинаций из этих цветов. У меня есть список почти всех регистрационных номеров, которые он когда-либо использовал. Ему случалось ехать по главной магистрали и заправляться на обычных бензостанциях. Когда служитель направлялся к водителю, чтобы получить деньги, Кадиллак на полной скорости срывался с места. Вот тогда-то частенько и записывали его номер. Он может также имитировать с дюжину человеческих голосов... и так превосходно подделывается, что его никак не могут поймать. Он всегда возвращается на Равнину и здесь сбивает погоню со следа. Он нападал даже на склады подержанных автомобилей...

Дженни неожиданно свернула, меняя направление.

– Сэм! Совсем свежие следы. Вон там! Ведут в сторону гор!

– Езжай по ним, – сказал Мэрдок.

Дорога все круче уходила вверх. Дженни снизила скорость, приспособившись к трассе и словно извиняясь, сказала:

– Ехать становится труднее. И труднее читать след. Много следов от старых излучений. Они забивают чувствительность моей следящей системы,

– Старайся, старайся, Дженни.

Машина, однако, все больше сбавляла скорость.

– У меня все перепуталось, Сэм, – сказала Дженни. – Я потеряла след.

– Где-нибудь здесь должно быть его убежище – пещера

или что-нибудь в этом роде, чтобы не было видно с воздуха. Ведь только так он может укрываться от авиапатрулей!

– Что мне делать?

– Пока возможно, давай вперед. Выискивай в скалах низко расположенные отверстия. Будь готова отразить атаку в любой момент.

Они ехали по узкой горной дороге. Антенна Дженни высоко поднялась в воздух – мотылек из стальной марли распустил крылья, поблескивающие в утреннем свете, трепещущие и колышущиеся.

– Я ничего не могу обнаружить; а взбираться выше опасно.

– Впереди развилка. Сворачивай!

– Направо или налево?

– Не знаю... В какую бы сторону ты поехала, если бы была машиной-отщепенцем?

– Вот уж не знаю, Сэм.

– Тогда выбери сторону, которая тебе больше нравится.

– Направо, – решила Дженни.

Через полчаса ночь окончательно скрылась за горами. Мэрдок достал из-под пульта управления штампованный термос с горячим кофе. Такие когда-то использовали в космосе.

– Сэм, кажется, я что-то нашла. Смотри, слева от большой скалы – спуск и пещера.

– Порядок, малышка, давай туда. Будь осторожна и приготовь ракеты.

Они медленно подъезжали к пещере.

– Тепло! Тепло! Я снова напала на след!

– Я даже вижу следы колес, – сказал Мэрдок. – Это, должно быть, то самое место.

ОНИ миновали каменные ворота и теперь ехали по песку. Дженни включила инфракрасные лучи: и теперь Мэрдок изучал туннель. В нем было около двадцати футов высоты и достаточно ширины, чтобы могли разъехаться три автомобиля. Дно из песчаного вскоре превратилось в каменное, но было гладким и достаточно ровным. Через какое-то время оно начало подниматься.

– Впереди свет, – прошептал Мэрдок.

– Вижу.

– Это может быть клочок неба.

Дженни двигалась теперь с величайшей осмотрительностью, ее двигатель звучал не громче дыхания в анфиладе больших каменных комнат.

Перед ними открылось песчано-глинистое ущелье. Громоздкие, нависающие скалы почти полностью закрывали небо.

В рассеянном свете утра, недалеко, в тени скал, была видна гигантская автомобильная свалка. Останки машин всех марок и моделей, аккумуляторы, шины, провода, амортизаторы, дверцы и стекла, цилиндры и поршни, карбюраторы, коробки передач и масляные помпы.

Мэрдок завозился на своем сиденье, и ему захотелось ткнуть Дженни в бок локтем как обыкновенного живого собеседника.

– Смотри-смотри, – прошептал он, – мы нашли кладбище обобранных автомобилей!

Очень старый автомобиль, который в первую минуту Мэрдок даже не смог отличить от другого лома, неожиданно тронулся в их сторону и так же быстро остановился... Звук колодок, трущихся о старинные тормозные барабаны, скрипом отдался в ушах Мэрдока. Шины древнего автомобиля были совершенно лысыми. Правый передний рефлектор разбит, ветровое стекло потрескалось. Он стоял перед грудой хлама, а его неотрегулированный двигатель издавал отвратительные клокочущие звуки.

– Что происходит? – спросил Мэрдок. – Что это такое?

– Он говорит со мной, – ответила Дженни. – Он очень старый. Его спидометр уже столько раз описал полный круг, что он и не помнит, сколько миль проехал... Ненавидит людей. Говорит, что они все время издевались над ним. Он не может уже участвовать в нападениях и поэтому давно состоит сторожем при этом складе запчастей. Еще говорит, что он не из тех, которые могут сами исправить себя, – и вынужден полагаться на милосердие и ремонтные услуги более молодых машин.

– Он хочет знать, что я здесь делаю.

– Спроси его, где остальные.

Но в ту же минуту Мэрдок услышал шум множества заводимых двигателей. Металлический рев заполнил все ущелье.

– Они паркуются по ту сторону кучи, – сказала Дженни. – Сейчас тронулись с места.

– Жди команды открыть огонь, – сказал Мэрдок, когда первый автомобиль – приземистый желтый «крайслер» – показался из-за края свалки.

Мэрдок откинулся на спинку кресла и следил за машинами, выруливающими вслед за Крайслером.

– Дженни, скажи им, что приехала сюда присоединиться к ним, что девитализировала своего водителя. Попробуй приблизиться к черному Кадиллаку на расстояние выстрела.

– Он этого не допустит, – ответила Дженни. – Я только что разговаривала с ним. Он легко может вывернуть с другой стороны свалки. Он говорит, что высылает шесть машин стеречь меня, прежде чем решит, как ему поступить. Он приказал мне выехать из туннеля и спуститься в ущелье.

– Поезжай... не спеша.

Дженни плавно двинулась вперед.

ДВА Линкольна, выглядевший здоровяком Понтиак и два Мерседеса присоединились к Крайслеру – по трое с каждого бока Дженни, готовые к нападению.

– Он дал тебе понять, сколько их по ту сторону?

– Нет. Я спрашивала, но он не ответил.

– Придется ждать.

Мэрдок сохранял скорченную позу, изображая мертвого. Через какое-то время у него начали затекать плечи. Наконец Дженни сказала:

– Сейчас меня пропустят, он приказывает мне переместиться на противоположную сторону площадки и въехать в выемку между скалами, которую он укажет. Он хочет обследовать меня своими диагностическими устройствами.

– Этого мы не можем ему позволить, – сказал Мэрдок. – Но выполняй приказ. Я скажу, что делать, когда мы подберемся к Кадиллаку поближе.

Два Мерседеса и желтый Крайслер притормозили. Дженни проехала мимо них и выехала к левой границе свалки. Прямо напротив и чуть справа на расстоянии около ста двадцати ярдов стояло штук сорок машин. Они расположились веером, предупреждая возможный прорыв по фронту, а шестеро стражников блокировали отступление Мэрдока сзади.

На левом фланге стоял черный Кадиллак.

Его спроектировали и построили в те годы, когда инженеры поистине бредили гигантоманией. Он был огромным и блестящим, со сверкающей хромированной отделкой, его передние фары напоминали глаза огромного насекомого. Весь корпус дышал мощью, но мощью хищной — великолепный багажник походил на акулий хвост; укрепленный на спинке водительского кресла из-за лобового стекла скалился череп скелета.

— Это он, — прошептал Мэрдок. — Дьявольский Автомобиль!

— Большой, — сказала Дженни. — Я никогда не видела такой огромной машины. Он хочет, чтобы я въехала в щель и там запарковалась.

— Медленно поезжай, но в щель не сворачивай, — сказал Мэрдок.

Они приближались к выщелине между скалами. Шум двигателей стоящих чуть поодаль машин банды то увеличивался, то спадал.

— Проверь оружие.

— Все в порядке.

— Когда я скажу «к бою», разворачивайся под прямым углом и сразу же открывай огонь: бей по Кадиллаку, по

цепи, сворачивай вправо и возвращайся тем же путем, которым мы приехали. При отходе распыляй бензин и пали по стражникам... И ничего не бойся. В бою они слабы. У них нет ни твоего вооружения, ни твоей маневренности, к тому же они и не ожидают нападения...

– Давай! – крикнул он, когда Дженни приблизилась к расщелине.

Разворот машины откинул его назад, и тотчас он услышал треск пулеметов Дженни. Вокруг уже полыхало пламя.

Стволы Дженни, высунувшись из укрытий, разворачивались на турелях, осыпая ряды автомобилей сотнями свинцовых игл. Дважды вздрогнул капот – выстрелились ракеты.

– Не попала! – крикнул Мэрдок. – Ты не попала по черному Кадиллаку! Твои ракеты разнесли стоявший рядом автомобиль. Кадиллак уцелел! И улизнул, скрылся за свалкой! И теперь ушмыгнет в туннель!

– Знаю! Прости!

– Перед тобой была такая отличная цель!

– Знаю! Ошиблась!

Бандиты наконец опомнились. Семь или восемь автомашин на полной скорости рванулись к Дженни.

– Быстро в туннель! Если Кадиллак покажется из-за свалки, бей без промедления боковыми и задними ракетами!

ДЖЕННИ устремилась к выходу туннеля. Четыре машины, из заблокировавших ее с тыла, были уничтожены первым залпом хвостовых орудий и те-

перь горели. Остальные делись непонятно куда. Может, попытались уйти через туннель. Во всяком случае, путь был свободен. Но тут старый кладбищенский сторож с отвратительным ревом ринулся вперед и перегородил дорогу.

– Он меня блокировал!

– Уничтожь его и загороди туннель! Я не позволю Кадиллаку скрыться!

– Не могу! – ответила Дженни.

– Что значит – «не могу»?

– Просто не могу!

– Это приказ! Сожги эту развалюху и загороди туннель!

Пулеметы Дженни пропороли шины старому автомобилю. Но пока Дженни возилась с кладбищенским сторожем, Кадиллак вынырнул из-за свалки, на большой скорости миновал простреливаемый участок и скрылся в туннеле.

– Ты позволила ему бежать! – прорычал Мэрдок. – Догоняй!

– Порядок, Сэм. Как раз это и делаю! Но только не кричи на меня. Прошу тебя, не кричи!

Она поспешила к туннелю. Где-то на середине его они услышали гаснущий вдали звук мощного двигателя.

– Не стреляй в туннеле! Если попадешь в него, он загородит проезд!

– Знаю, не буду.

Впереди светлым пятном неба обозначился конец туннеля.

– Прибавь газу! Как приблизимся к выходу, стреляй из

хвостовых гранатометов – пора положить конец преследованию!

Тут туннель кончился, и они оказались в дневном свете. Вокруг было пусто. В недрах горы, позади них, раздался взрыв. Земля задрожала, и через какое-то время стало тихо.

– Найди его след, – приказал Мэрдок, – и начинай погоню.

– Тут так много следов... – сказала Дженни.

– Ты прекрасно знаешь, какой след мне нужен. Самый большой, самый широкий, самый свежий. Найди его!

– Мне кажется, я его нашла, Сэм.

– Отлично. Поезжай так быстро, как только сможешь!

Мэрдок достал штампованную бутылку и сделал три глотка. Закурил.

– Почему ты в него не попала? – спросил он тихо. – Почему ты не попала в него, Дженни?

Сразу она не ответила. Мэрдок ждал.

Наконец, Дженни сказала:

– Потому что он для меня не просто автомобиль. Он принес много вреда и машинам, и людям – и это ужасно. Но есть в нем что-то благородное. В том, как он сражается за свою жизнь, свободу – против всего света. Сэм, держать в повиновении банду озлобившихся автомобилей, не останавливаться ни перед чем, чтобы остаться таким, какой ты есть, – непокоренным, пока не настигнут и не уничтожат... Это... Сэм, там, на мгновение, мне захотелось присоединиться к нему, мчаться вместе с ним по Великой Равнине, крушить для него своими ракетами ворота Топливных Фортов... Но я не смогла девитализировать себя. Я слыш-

ком слаба. И все же я не смогла стрелять по нему и специально промахнулась. Но я не смогу и девитализировать тебя, Сэм, никогда не смогу.

– Спасибо, – сказал он. – Большое спасибо... ты, дурочка перепрограммированная!

– Прости меня, Сэм.

– Заткнись... хотя погоди-ка. Сначала скажи мне, что ты станешь делать, если мы его найдем?

– Не знаю.

– Так думай же – и быстро. Ты видишь то облако пыли впереди нас так же хорошо, как и я, так что лучше поспеши с ответом.

Она увеличила скорость.

– Подожди. Вот позвоню в Детройт и буду смеяться до колик, пока не получу назад денег, уплаченных за тебя.

– Я неплохо спроектирована и неплохо сконструирована. И ты сам это знаешь. Просто я оказалась более...

– Сентиментальной, – подсказал Мэрдок.

– ...чем предполагала, – закончила Дженни. – Да, это правда, я не знала многих автомобилей, кроме молодых, пока меня не доставили к тебе. Я не знала, какие они, эти дикие автомобили, и до сих пор не убила еще ни одну машину – только специальные преграды, предназначенные для уничтожения. Была молодая и...

– Невинная, – сказал Мэрдок. – Да. Очень трогательно. А сейчас приготовься-ка к убийству следующей машины, которую мы встретим. А если случайно это окажется твой возлюбленный, и ты прекратишь огонь, – он убьет нас.

– Я постараюсь, Сэм.

АВТОМОБИЛЬ, шедший впереди, остановился. Это был желтый Крайслер. Его левые шины были пропороты, и он стоял, осев на бок, в ожидании.

– Оставь его! – буркнул Мэрдок, когда капот Дженни слегка приподнялся. – Береги боеприпасы для кого-нибудь, кто сможет оказать сопротивление.

Не притормаживая, они пронеслись мимо Крайслера.

– Он сказал что-нибудь?

– Машинная ругань, – ответила Дженни. – Я такое слышала уже пару раз, а ты бы все равно ничего не понял.

Мэрдок тихо рассмеялся:

– Что, автомобили тоже ругаются?

– Иногда, – сказала она. – Может быть, более низкие классы делают это чаще, особенно на автострадах, там, где образуются пробки.

– Скажи мне какое-нибудь машинное ругательство или проклятие.

– Не скажу. За какую машину ты меня принимаешь?

– Прошу прощения, – сказал Мэрдок. – Ты же дама. Я забыл.

Из динамика послышался тихий треск. Они мчались по плоскому участку, примыкающему к подножию гор.

След, петляя по холмам, описал широкую дугу и вывел их на Великую Равнину. Впереди возвышалась огромная каменная глыба апельсинового цвета, обработанная ветром наподобие мухомора.

Из-за нее и выскочил Дьявольский Автомобиль. Он притаился в засаде и, видя, что ему не уйти от Пурпурной Дамы, решил нанести удар первым.

Тормоза Дженни сработали с пронзительным визгом. Ее занесло на бок. Заговорили пулеметы, капот приподнялся, и над просевшими передними колесами с воем пронеслись ракеты. Она трижды крутанулась на месте, взметая задним бампером песок. В третий и последний раз она выпустила ракеты в дымящиеся обломки и затормозила уже всеми четырьмя колесами. Пулеметы ее продолжали стрелять, пока в них не иссякли патроны, но и в пустых стволах еще с минуту слышалось учащенное постукивание бойков.

Мэрдока лихорадило – он смотрел на выпотрошенные изуродованные останки, полыхающие под высоким дневным небом Равнины.

– Ты убила его, Дженни. Убила для меня Дьявольский Автомобиль, – проговорил он.

Но она не ответила. Вновь запустила заглухший двигатель, развернулась на северо-восток и направилась в сторону ближайшего Форта Пищи и Отдыха.

Почти два часа они ехали в молчании. Мэрдок выпил весь свой кофе, весь виски и выкурил все сигареты.

Он услышал потрескивание в динамике и очень тихий голос:

– Сэм, он говорил со мной, когда мчался на нас...

Мэрдок ждал, но Дженни ничего больше не сказала.

Тогда он спросил:

– О чем он говорил с тобой?

– Говорил: «Обещай, что девитализируешь своего пассажира, и я не разобью тебя», – ответила Дженни. – Говорил: «Я хочу тебя, Пурпурная Дама, хочу, чтобы ты ездila со мной и нападала со мной. Нас никогда не поймают, если мы будем вместе». А я его убила...

Мэрдок молчал.

– Он так говорил только затем, чтобы избежать новых выстрелов, ведь правда? Говорил для того, чтобы задержать меня, чтобы он, погибая сам, мог бы уничтожить и нас обоих, правда? Он ведь не мог по-настоящему так думать, правда?

– Разумеется, нет, – ответил Мэрдок. – Ну, разумеется, нет. Было слишком поздно, чтобы он мог свернуть.

– Да, наверное, было слишком поздно. А ты думаешь, что перед этим, там, в ущелье, он в самом деле хотел, чтобы я с ним ездила и нападала?

– Скорее всего, это так, малышка. Ты великолепно сложена.

– Спасибо, – поблагодарила она и отключилась.

Но прежде чем динамик умолк, он успел услышать странный металлический звук – то ли молитву, то ли проклятие.

Мэрдок покачал головой и наклонился, похлопывая все еще дрожащей рукой черную мягкую обивку кресла рядом с собой.

Пер. А. ЦЫМБАЛА.

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ (иногда его фамилию переводят: Зилазни) – известный американский писатель-фантаст старшего поколения, неоднократный лауреат самых престижных премий в мире западной НФ («Небьюла» и др.). В нашей стране до самого недавнего времени он практически не переводился, и лишь фэны, имеющие доступ к самиздату, могли зачитываться добрым десятком его романов, ходящих в любительских переводах (в первую очередь – книгами, из его многотомного сериала «Хроники

Эмбера»). Но в последние год-два положение начало меняться. К нескольким переведенным у нас его рассказам (по одному из них назван сборник фантастики «Ключи к декабрю», вышедший недавно в издательстве «Правда») уже добавились и первые – для рядового советского читателя – его романы: «Долина проклятий», «Девять принцев Эмбера», «Ружья Авалона».

Денни Плэчта Пробуждение

Грэм Кракен умирал. Его взгляд бесцельно блуждал по потолку, и он в который уже раз выслушивал доводы врача.

– Это – единственный выход. Кроме того вам нечего терять. В будущем медицина продвинется вперед достаточно, чтобы разморозить и оживить вас. Мы научимся лечить многие болезни. Вы снова будете жить...

Вскоре тело Грэма Кракена было заморожено до лучших времен.

Ему снилось, что он на берегу теплого моря, но постепенно сон растаял, и пришлось открыть глаза. Незнакомая палата; какой-то человек в кресле около кровати.

– Доброе утро! – произнес посетитель. На вид ему было за семьдесят. Редкие седые волосы, сморщенное лицо.

– Доброе утро! – ответил Кракен и, не зная, что сказать, добавил: – У вас замечательные серьги.

– Благодарю вас. Это – антенны.

– ??

– Радиоприемники вшиты в мочки ушей.

– Зачем?

– Стерео!

– А как они включаются?

– Никак. Отличная сегодня погода.

– Да, действительно, я сразу не заметил. Кстати, погоду уже контролируют?

– Пробовали какое-то время. Потом бросили.

– Слишком много противоречивых интересов?

– Угу.

– Жаль. – Кракен взглянул в сторону занавешенного окна. Внезапно стекло за портьерой разлетелось вдребезги.

– Что это? Уличные бои? – спросил он с тревогой

– Нет. Сверхзвуковой транспорт.

На место разбитого стекла автоматически скользнуло новое.

– Кстати, какой сейчас год?

– Две тысячи восемьдесят восьмой, – ответил старик.

– А что с моим состоянием, вы не знаете? Мои деньги? Мои владения?

– Боюсь, ничего не сохранилось. Ваше оживание и лечение полностью оплачивал я.

– О, я вам очень признателен. Не знаю, как смогу вас отблагодарить, – произнес Кракен. Ему захотелось выглянуть в окно, и он попытался подняться, оперевшись на локоть.

– Пожалуйста, не двигайтесь, – встревожился старик. – Вам надо отдохнуть перед пересадкой сердца.

– О, господи, – Кракен опустился на подушку. – У меня еще и с сердцем что-нибудь не в порядке?

Старик покачал головой, осторожно встал и обернулся.

– У вас все в порядке. Не в порядке у меня.

Пер. А. Корженевского.

Издание подготовлено кооперативом «Свиток»
и журналом «Уральский следопыт».

Над пятнадцатым выпуском «ПиФа» работали:
М. Пудовкин, С. Казанцев, С. Гаврилова,
Л. Йокитулло, Н. Зайцева, О. Аржанников.

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

ПиФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Кооператив «Свиток» 1990 — 32 с.
Печать высокая. Усл. печ. л. 4,0 Уч. изд. л. 4,42
Зак. № 1343. Тираж 110000 экз. Цена 1 руб.
Подписано к печати 15.1.91

Кооператив «Свиток»
Литография изд-ва «Военный железнодорожник»

Наш адрес: ул. Декабристов. 67.